

АНДРЕЙ
БОНДАРЕНКО

Аляска золотая

Двойник Светлейшего

Андрей Бондаренко

Аляска золотая

«Автор»

2010

Бондаренко А.

Аляска золотая / А. Бондаренко — «Автор», 2010 — (Двойник Светлейшего)

Каково это – прожить шестнадцать лет «в шкуре» Александра Даниловича Меншикова, Светлейшего князя Ижерского, царского любимчика, баловня судьбы, одного из богатейших людей России? И вдруг... Вдруг – царская немилость, изгнание, полная неизвестность. И путь лежит на запад, но к землям восточным: через ураганы, бури, схватки с пиратами, людоедами и самураями... И в конечной точке маршрута путников не ждет теплый прием: только новые жаркие схватки, новые труды – праведные и бесконечные... Книга впервые издается в электронной версии на сайте "ЛитРес".

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	16
Глава третья	27
Глава четвёртая	38
Глава пятая	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Андрей Бондаренко

Аляска золотая

Глава первая

Бесправный бродяга под женской чадрой

– Каждому да воздастся по делам его! И за все в целом, и за каждое дело в отдельности, – важно вещал тибетский лама, прибывший в строящейся Питербурх с визитом вежливости. – Подлость – рано или поздно – будет отомщена. Доблесть же вознаграждена – всенепременно и по достоинству....

Лама ещё поболтал немного – недели так полторы – да и отбыл с подвернувшейся оказией в просвещённую Европу: поучать тамошних умников восточным философским сентенциям...

А вот японка Наоми, которая состояла при ламе то ли в качестве служанки, то ли в качестве послушницы, осталась в Питербурхе. Разгневался на неё за что-то высокомудрый лама и не взял с собой в Европу. По-подлому бросил молоденькую девушку в чужой стране – без копейки денег.

Хорошо ещё, что добросердечная Санька – Александра Ивановна Меньшикова, Светлейшая княгиня Ижерская – обеспокоилась судьбой японки и пригрела Наоми в своём загородном василеостровском доме в качестве горничной. Санька была очень довольна новой служанкой, без устали восхищалась её расторопностью и предупредительностью, лично обучала Наоми-сан русскому языку.

Японка, благодаря своей необычной внешности, не была обделена мужским вниманием. Более того, уже через полтора месяца у неё появился и официальный жених – комендант Петропавловской крепости полковник Илья Солев. Впрочем, Наоми по-прежнему оставалась горничной в доме Меньшиковых – свадьба с Солевым была назначена только на предстоящую осень.

От низкой пристани, пахнущей свежими сосновыми стружками, первым отчалил старенький, широкий и внешне неуклюжий бриг. Отчалил – прямо в июньскую рассветную дымку, лениво переливавшуюся светло-малиновым и тёмно-оранжевым.... Впрочем, два фрегата – длинных и узких, совсем недавней постройки – так и не смогли обогнать своего приземистого коллегу.

Прошло минут тридцать-сорок, и все три корабля, плавно обогнув фиолетово-сиреневую стену полутораметрового камыша, вышли из неевского устья на серые балтийские просторы.

На тёмно-синей садовой скамейке, предусмотрительно расположенной совсем недалеко от причала, сидели, невозмутимо покуривая свои фарфоровые голландские трубки два кавалера.

Первому из них едва перевалило за сорок, он был одет в русский адмиральский сюртук, украшенный несколькими орденами, а его правую пустую глазницу прикрывала строгая чёрная повязка.

Второй же человек, сидящий на скамье, был личностью куда как более импозантной: светло-розовые туфли с причудливо загнутыми вверх носами, тёмно-бежевые широкие шалвары, зеленоватый кафтан, щедро расшитый золотыми и серебряными нитями, на лобастой голове иноземца красовалась белоснежная чалма с крупным, ярко-красным рубином. Ну, и понятное дело, наличествовала аккуратно подстриженная седая борода. Как – уважающему

себя мусульманину – можно обходиться без аккуратно подстриженной седой бороды? Ясен пень, что никак...

– Кого же мне выбрать из них? – спросил турок и брезгливо посмотрел направо.

Там, на другой скамье, располагались три неопределённые фигуры, облачённые в тёмные – с лёгким тёмно-синим отливом – чадры. Рядом со скамьёй неторопливо прохаживался широкоплечий евнух.

– Наверное, самую нелюбимую, – предположил русоволосый русский адмирал. – Впрочем, вам, уважаемый Медзоморт, виднее...

– Конечно, виднее! – подтвердил турок. – Если не я, то кто же? А с другой стороны, вся эта троица – обыкновенные молоденькие мартышки, ничего и не стоящие. Абсолютно ничего, ни единой, даже медной монеты.... Впрочем, в данном случае мой выбор будет сделан, исходя только из прагматичных соображений: придётся убить самую высокую из трёх, ибо наш уважаемый Александр Данилович – отнюдь не низкого роста....

– Вы сказали – убить?

– Непременно! – лениво зевнул турецкий вельможа. – У меня по документам присутствуют три жены, взятые с собой из Стамбула в это дальнейшее путешествие. Соответственно, их и должно быть три. Лишняя фигура, облачённая в чадру, может вызвать нездоровое подозрение.... Не переживайте, благородный маркиз, для турецкой женщины умереть – по приказу её обожаемого супруга – высшая честь, не более того.... Может, стоит уже позвать нашего доброго друга? Не гоже храброму мужу столько времени прятаться в кустах....

Русский адмирал сложил ладони рупором и громко прокричал, обращаясь, как могло показаться, непосредственно к речным серым водам:

– Эй, Светлейший князь! Вылезай! Хватит играть в прятки! Эй!

Через полторы минуты из густого прибрежного кустарника выбрался коротко стриженный босоногий мужичок в насквозь промокшей матросской одежде. Так, совершенно ничего особенного: чуть выше среднего роста, тёмно-русый, не очень-то и широкоплечий.

Мужичок неторопливо подошёл к причалу, печально оглядел невскую акваторию.

– Уплыли они, Александр Данилович! – невозмутимо сообщил адмирал. – Можешь не вглядываться, не поможет. И дочку мою прихватили с собой. Как я теперь буду без моей рыженькой бестии? Ладно, сдюжим как-нибудь.... Сейчас будем собираться на Москву. Остановимся у моего бати, Ивана Артёмича. Предстоит тебе, Данилыч, немного побыть в женской роли. Будешь претворяться любимой женой Медзоморт-паши.... Как тебе такой расклад, не застесняешься? Если у тебя имеются другие варианты, то излагай, послушаем....

– Нет у меня других вариантов! – честно признался мужичок. – Больно уж морда моя в этой стране засвечена – сверх всякой меры. Каждая девка гулящая, о собаках уже не говоря, узнает за версту.... А тут, понимаешь, чадра. Удобная вещь, ничего не скажешь. Большой респект от меня тому, кто придумал данную штуковину....

Подумал же он совершенно другое: – «Как бы там ни было, но своего сына я не брошу в беде! Обязательно вытащу мальчугана из царского плена! Чего бы это мне не стоило.... Тоже мне, моду взяли, маленьких детей определять в заложники! Цари ведь тоже не должны свиньям уподобляться, не смотря на все свои царские права...».

– Ладно, Данилыч, выныривай из своих раздумий! – тепло усмехнулся одноглазый адмирал. – Вон, медзомортова двухмачтовая шхуна уже подходит. Сам Медзоморт-паша куда ушёл? Наверное, чадру освобождать – от женского тела.... На ноги же тебе, бывший генерал-губернатор, придётся напялить шальвары нежно-персикового цвета и дамские остроносые туфли без задников. Ты уж, Данилыч, привыкай к своей женской роли: с куревом заканчивай, учись семенить – меленькими и покорными шажочками....

Впрочем, начнём по порядку, то бишь с самого утра предыдущего дня.

Наступил июнь 1703 года.¹ Александр Данилович Меншиков, один из богатейших людей России, Светлейший князь Ижерский, генерал-губернатор Ингрии, Карелии и Эстляндии, кавалер ордена Андрея Первозванного – со звездой и голубой лентой – откровенно благоденствовал. Дела шли – лучше не бывает: новый город-порт Питербурх успешно строился, возводились крепкие береговые молы, корабельные верфи, по Финскому заливу уверенно и безбоязненно ходили русские многопушечные корабли, не подпуская даже близко к берегам неевского устья шведский флот неугомонного короля Карла Двенадцатого.

Вернее, по-настоящему Светлейшего князя звали – Егор Петрович Леонов, был он послан в Петровские времена из далёкого и необозримого Будущего, и ещё в 1687 году «заменил» подлинного Алексашку Меншикова. Возникла такая срочная необходимость. Некоторые злонамеренные «экспериментаторы» решили отправить в Прошлое своего агента – с заданием убить русского царя Петра Первого. Зачем, спрашивается, убить? Да так, ради праздного любопытства: посмотреть, а что будет в этом случае с многострадальной Россией? Какой путь развития выберет русская элита того времени? В каком состоянии Россия – после этого подлого убийства – подойдёт к рубежу двадцатого века? Сохранится ли, как единое и великое государство, или распадётся – на десяток-другой мелких?

Вот тайная международная служба «SV», целенаправленно отстаивающая интересы законопослушных землян, и решила направить «на место» царского денщика Алексашки Меншикова опытного военного телохранителя из 2009 года со строгим заданием: бдительно и тщательно охранять царя Петра, не допустить – любой ценой – чтобы ход Истории изменился.

Какие «экспериментаторы» и что за международная служба «SV»?

Вот как в 2009 году объяснял Егору глава (Координатор) этой секретной службы:

– Вы в школе изучали биологию? Наблюдали через микроскоп за капелькой воды, наполненной микробами? И острой иголкой тыкали в капельку? Очень хорошо! Тогда вы должны понять меня. Представьте себе, что наша с вами древняя планета Земля – это просто обычная «капля воды, наполненная микробами», под чьим-то микроскопом. Для нас проходят века, для того, кто сидит за микроскопом, – часы, а может даже – и минуты. И этот неизвестный исследователь, а по факту – многочисленные исследователи, упрямо ставят над бедными «микробами» разные опыты. Например, определённому виду глупых обезьян делаются инъекции, способствующие активизации работы головного мозга. Время от времени человечеству подбрасывают «подарки»: колесо, технологию плавки бронзы и железа, письменность, двигатель внутреннего сгорания, динамит, ядерную бомбу, Интернет.... Чтобы, так сказать, придать всему исследовательскому процессу требуемую динамику. Параллельно с этим осуществляются сложные и неоднозначные психологические эксперименты, моделируются различные поведенческие ситуации, провоцируются экстремальные процессы... Допустим, только на минутку, что такие одиозные фигуры, как Александр Македонский, Нерон, Наполеон, Пётр Первый, Емельян Пугачёв, Ленин, Гитлер, Сталин и многие другие неординарные личности, достаточно серьёзно поменявшие ход развития истории человечества, появились не сами по себе.... Спрашиваете, откуда они взялись? Их ввели в игру наши «экспериментаторы». Понимаете теперь? «Экспериментаторы», как легко догадаться, не являются жителями нашей планеты. А служба, которую я имею честь предоставлять, как раз и отстаивает интересы «капельки воды, наполненной мирными микробами». Человеческой расы, то есть. Пресекаем, по мере наших скудных сил, наиболее опасные и изощрённые эксперименты. Вот и вам, господин Леонов, мы предлагаем: оказать одну важную услугу – всему человечеству, так сказать, в целом...

Что ж, цели и задачи у службы «SV» были высоки и благородны, Егор согласился на сотрудничество, подписал пятилетний контракт (с гонораром в двадцать миллионов Евро,

---

¹ – Действие романа происходит в параллельном мире, к возникновению которого Г. Г. (главный герой) имеет самое непосредственное отношение.

плюсом – маленький личный остров в Карибском море), и отправился в далёкий 1687 год – времена дремучие, жестокие и кровавые...

Первые пять лет он старался максимально честно и дотошно соблюдать все требования контракта: предотвращал многочисленные покушения на жизнь царя Петра, организовал действенную и надёжную охранную структуру, искренне старался, чтобы его действия не нарушили ход Истории. Но по истечению срока контракта обратного «замещения» не последовало: произошла досадная техническая накладка, и Егор остался в Прошлом. Очень скоро он начал подозревать, что служба «SV» его пошло обманула и подставила. А тут ещё – Любовь.... И Егор начинал действовать на «своё усмотрение», всё больше и больше увлекаясь этим процессом, уже ставя перед собой чёткие и конкретные задачи.

Даже сама мысль – о возвращении назад – стала ему глубоко противна. И когда, пусть и с многолетним опозданием, появился араб Аль-кашар, посланец Координатора, Егор отказался вернуться в Настоящее, а самого Аль-кашара – по приказанию Егора (то есть – Александра Меньшикова), – заключили в северный уральский острог. Ход Истории изменился. Пользуясь своими знаниями, полученными в Будущем, Егор уговорил царя Петра в корне поменять всю военную стратегию России, что позволило избежать досадных воинских поражений, которые были в настоящей Истории. Даже Питербурх был заложен не на островах Невского устья, а в сорока километрах западнее, там, где в двадцать первом веке находился город Ломоносов...²

Итак, наступил июнь 1703 года. По случаю пасмурной погоды праздничные столы были накрыты не в молодом парке, как задумывалось ранее, а под просторным и высоким навесом, примыкавшим к дому. Из-под навеса открывался великолепный вид на Неву, где у новенького причала на мелких волнах тихонько покачивались старенький бриг «Король» и годовалый трёхмачтовый фрегат «Александр» – личный генерал-губернаторский корабль Егора.

Серьёзных поводов для дружеских посиделок обнаружилось сразу два. Во-первых, необходимо было по-человечески отметить новоселье: наконец-то была достроена василеостровская загородная усадьба семейства Меньшиковых. А, во-вторых, Егоровой обожаемой жене Саньке (Шурке, Александре, Санечке, Сашенции), Светлейшей княгине Меньшиковой Александре Ивановне исполнялось двадцать шесть лет.

На Васильевский остров были приглашены и дисциплинированно прибыли только самые близкие. Главный морской инспектор Алёшка Бровкин и его дочка Елизавета, которой недавно исполнилось три с половиной года. Вице-адмирал Людвиг Лаудруп с женой Гердой и сыном Томасом. Младшая сестра Гертруды Матильда вместе со своим женихом – подполковником царской охранной Службы Фролом Ивановым. Командир первого батальона Екатерининского полка подполковник Ванька Ухов. Комендант Петропавловской крепости полковник Илья Солев, не отпускавший от себя ни на секунду японскую красавицу Наоми. И комендант крепости Шлиссельбург полковник Прохор Погодин – с супругой и пятью детишками. Ну, и уже без всяких приглашений, а просто проездом из голландского Амстердама на белокаменную Москву, появился Медзоморт-паша – полномочный посол Небеснородного турецкого султана, личный друг Егора и адмирала Алексея Бровкина.

А вот генерал-майор Василий Волков приехать не смог, так как во главе с пятнадцатитысячным воинским корпусом находился в Ливонии и готовился брать на шпагу курляндский город Митаву.³

Ждали, что из Москвы приедут и другие дорогие гости: царь Пётр Алексеевич, Екатерина и их малолетняя дочь Елизавета, царевич Алексей, царевна Наталья и князь-кесарь Фёдор

---

² – Всё произошедшее с Егором за эти шестнадцать лет описано в романах «Страж государев» и «Северная война».

³ – Взятие города Митавы воинским корпусом под командованием Василия Волкова – авторский вымысел, то есть данное событие происходит уже в параллельном мире, который образовался в результате вмешательства Егора в ход Истории.

Юрьевич Ромодановский. Но, совершенно неожиданно, третьего дня от царя пришло короткое письмо, в котором он немногословно извещал, что все московские высокородные особы прибыть не смогут – «по важнецким причинам, про которые будет рассказано отдельно».

– Какое странное письмо! – удивлялась Санька. – Рука-то точно – Петра Алексеевича, а вот слова совсем и не его: чужие какие-то, холодные да казённые.... Ты, Саша, часом, ничем не обидел государя?

– Да что ты такое говоришь? – недовольно передёрнул плечами Егор. – Какое там неудовольствие может быть? Город строится, флот свободно плавает по всему Балтийскому морю, шведы отогнаны далеко и надёжно, взяты с боем крепости Выборг и Кексгольм...

– Ну, не знаю, не знаю! – неуверенно вздохнула жена. – Предчувствия у меня просто какие-то странные, очень неуютные...

До начала праздничной трапезы оставалось ещё больше часа, благородные дамы дружной стайкой направились внутрь дома: наряжаться и прихорашиваться перед высокими венецианскими зеркалами.

Дети – во главе с неутомимым и хулиганистым тринадцатилетним Томасом Лаудрупом – с громким визгом носились по аллеям молодого парка, разбрызгивая во все стороны тёплые дождевые лужи. За ними присматривали няньки и денщики – под руководством Николая Ухова, родного дядьки Ваньки Ухова. Николай Савич занимал нынче должность Главного управителя этого загородного поместья князей Меншиковых.

Мужчины, дымя своими курительными трубками, собрались вокруг костра, лениво горящего в центре идеально круглой, только с утра аккуратно выкошенной травянистой площадки. Некурящий Прохор Погодин, внимательно наблюдавший за детскими играми и забавами, спросил у Егора:

– Александр Данилович, смотрю, близняшки-то твои здесь, бегают, веселятся. А где же младшенький, Александр Александрович?

– На Москве остался наш Сашутка, – грустно вздохнув, ответил Егор. – Катеньке и Петруше уже по семь с половиной лет, большие уже совсем, самостоятельные. А Шурику только четыре годика исполнилось недавно, да и болел он сильно по нынешней холодной весне, простуды замучили мальчика...

– Господа! – неожиданно вмешался Людвиг Лаудруп, хорошо освоивший за последние годы русский язык, указывая рукой на Неву. – К причалу швартуется «Апостол Пётр». Я не велел ему этого делать. Сей фрегат должен нынче стоять в котлинском порту. Наверное, случилось что-то серьёзное.

Егор вытащил из-за голенища ботфорта подзорную трубу, навёл её в нужном направлении. Действительно, со стороны Финского залива неторопливо подходил «Апостол Пётр» – 64-х пушечный фрегат, недавно спущенный на воду флагман русского военно-морского флота.

С борта замершего у причала «Апостола Петра» на пирс были переброшены длинные сходни, по которым на берег стали торопливо спускаться солдаты в форме недавно созданной по Указу царя Московской дивизии.⁴ У самого трапа замер – весь из себя гордый и независимый – подполковник Антон Девиер,⁵ демонстративно глядя в сторону и презрительно выпячивая вперёд нижнюю губу.

– Как это прикажите понимать, господин подполковник? – гневно посверкивая своим единственным голубым глазом, глухо и недобро поинтересовался Алёшка Бровкин, обращаясь

---

⁴ – Московская дивизия – авторский вымысел.

⁵ – Антон Девиер – голландец с испанскими или португальскими корнями, в юности являлся личным пажом Петра Первого, в завершении карьеры (в первоначальном мире) дослужился (в 1718 году) до должности генерал-губернатора Санкт-Петербурга.

к Девиеру. – Что молчишь, сукин кот голландский? В морду захотел, гнида худосочная? Я к тебе обращаюсь....

По сходням забухало грузно и размерено – под тяжестью уверенных шагов, и знакомый раскатистый бас властно заявил:

– Молчать, вице-адмирал Бровкин! Молчать! У меня дело наиважнейшее, государево!

На василеостровский берег неторопливо и важно, грозно и многообещающе хмуря свои седые кустистые брови, сошёл сам князь-кесарь Фёдор Ромодановский – начальник царской Тайной Канцелярии.

– Здравствуй, Фёдор Юрьевич! – уважительно обратился к князю-кесарю Егор. – Проходи к столу, гостем будешь!

– Извини, Александр Данилович! – прогудел в ответ Ромодановский. – Не в гости я приехал к тебе.... Извини, ещё раз. Указ царский у меня! – небрежно махнул рукой в сторону. – Давай-ка, отойдём на пару слов...

Князь-кесарь уселся на каменный парапет набережной (уже одна десятая часть береговой линии Васильевского острова была надёжно забрана в камень), задумчиво глядя на речные просторы, поведал:

– Знаешь, Данилыч, а я ведь давно уже подозревал, что ты – не от мира сего. Мне же – по должности моей важной и заметной – люди много чего рассказывают о том, что видели да слышали. Каратэ это твоё, японские метательные звёздочки, синяя глина, которую ты называл «кембрийкой», умение откачивать утопленников, картошка и блюда из неё.... Ведь не было никакого пожилого индуса, который странствовал вместе с цыганским табором и обучал тебя в отрочестве всяким хитрым премудростям? Не было, чего уж там! Стал я внимательно присматриваться к тебе, и многое мне показалось странным: и речь твоя, и повадки, и поступки – иногда избыточно милосердные и глупые. Всё ломал я себе голову: где же та верёвочка, за которую надо дёрнуть, чтобы до конца распутать весь этот тайный клубок? А потом мне охранник офицер из Преображенского дворца поведал одну занимательную историю. Мол, перед самым отъездом на штурм шведской крепости Нотебурга генерал-губернатор Меншиков долго беседовал с Яковом Брюсом. И после этой беседы вышел озабоченный Светлейший князь Меншиков из Брюсовых палат очень и очень задумчивым.... «Ага!», – смекаю. – «Вот же оно...». Подступил я тогда к Петру Алексеевичу, чтобы он отдал мне этого богопротивного и сумасшедшего Брюса. Государь долго мне отказывал, а потом сдался, отдал.... Только при одном условии: Брюса не пытать и на дыбу не подвешивать. А ещё при этом нашем разговоре вспомнил Пётр Алексеевич об одном странном басурмане по имени Аль-кашар, который томился в заключении – по тайному приказу всё того же генерал-губернатора Меншикова – в дальнем уральском остроге.... Что побледнел-то так, Александр Данилович, голубь сизый?

– Знаешь, Фёдор Юрьевич, мне одно только не понятно, – проговорил Егор помертвевшим голосом. – Ведь всё то, о чём ты сейчас рассказываешь, происходило почти три года назад. Почему же ты только теперь – приехал по мою душу?

– Не всё так просто! – нахмурился Ромодановский. – Во-первых, с басурманом Аль-кашаром. Антошка Девиер, которого послали за арабом, по дороге приболел, всю первую зиму провалялся в горячке, руку ещё себе вывихнул – при падении с резвой лошади. Наступила русская распутица, то, сё.... Потом, когда этого длиннородого, всё же, доставили в Москву и вздёрнули на дыбу, выяснилось, что Аль-кашар по-русски не знает ни единого слова. Да и английский язык его.... Даже Пётр Алексеевич плевался во все стороны. Нашли, конечно же, толмачей с турецкого языка. Они такого перевели – хоть сразу вешайся! Мол, ты, Данилыч, и не Данилыч совсем, а некто Леонов Егор Петрович, посланный к нам сюда из далёкого и неведомого Будущего. Более того, он, Аль-кашар, должен был тебя вернуть обратно, в двадцать первый век, да ты не согласился и отправил его бедного в далёкий северный острог.... Иноземные доктора осмотрели тщательно басурмана, ознакомились с выдержками из его показа-

ний. Все, как один, твёрдо заверили, что данный человек, безусловно, юродивый.... Что делать дальше? Тебя вызвать в Москву и тоже вздёрнуть на дыбу? Так – что предъявлять?

– Так у вас же ещё и Брюс был, – криво усмехнувшись, напомнил Егор.

– Брюс, Брюс! – пророкотал князь-кесарь. – Толку-то.... Не велено его было пытаться. Вот он и молчал. Очень плохо было Якову в темнице – без его заумных книг, всяких хитрых шуток и приборов, но крепился и молчал, сукин кот.... И вот тогда-то я и догадался обо всём! – Ромодановский сделал многозначительную паузу. – Он многое помнил о тебе, охранитель, но и ты, наверное, знал про него что-то тайное и гадкое! За жизнь свою цеплялся Яшка, не хотел помирать. Понимал, что если он всё расскажет про тебя, то и ты не будешь молчать. А за ним, похоже, был великий грех, за который есть только одна достойная плата – плаха. Это – в лучшем случае.... Что, я не прав?

– Прав! – покорно согласился Егор. – Но, давай, Фёдор Юрьевич, всё же, перейдём к моей скромной персоне. Чего о покойниках рассуждать?

– Это верно, про покойников! – скупно улыбнувшись, поддержал Ромодановский. – Им-то, точно, уже ничем не помочь. Короче, я так рассудил. Если Брюс узнает, что ты безвозвратно и окончательно умер, то, наверняка, станет гораздо сговорчивей.... Объявили Якову, так, между делом, что ты, Данилыч погиб. При штурме шведского Нотебурга. Мысли мои были просты и бесхитростны: нет тебя больше, следовательно, и Брюсу нечего опасаться – вскрытия ответной тайны.... Чего заулыбался-то, бродяга? Одобряешь? Правильно, что одобряешь.... Брюс, надо ему отдать должное, сперва не поверил. Но мы на восточном подмосковном кладбище выстроили твою могилку, Данилыч. Ты уж – извини! Настоящую могилку, славную, с памятной табличкой и мраморным памятником. А ещё молоденькую дворянку нашли, которая похожа на твою жену, прекрасную Александру Ивановну. Ростом, стройностью, фигурой, волосами пышными да серебристыми.... Яков-то к этому времени слухом сделался слаб, да и зрение его единственного глаза ухудшилось. Всё и прокатило – как по маслу. Встретился Брюс – около твоей, Данилыч, могилы – с твоей же безутешной «вдовой», ну, и поверил.... А после этого и рассказал про всё, что знал, более ничего уже не опасаясь. Главным образом про фосфорные спички и про подлого французского доктора. Сразу же взяли и достославного господина Карла Жабо, вздёрнули на дыбу.... Сознался он во всём, конечно же. Как ты подговорил его, ещё в 1695 году, государя коварно обмануть. Когда об этом доложили Петру Алексеевичу.... Тебе про это лучше не знать, охранитель! Даже я лишился любимого переднего зуба. Да, и подделом: не досмотрел в своё время.... Очень уж государь убивался и сожалел. Не, это я не про тебя, Данилыч, а про русских баб и девок, которые – по твоей гадкой милости – прошли мимо государевой постели.... В горячке Пётр Алексеевич повелел: отрубить всем подлым врагам головы. Это я про Брюса,⁶ Карла Жабо и араба Аль-кашара. Отрубили, понятное дело, чего уж там.... Теперь по твоей мерзкой персоне. Сперва и тебя государь хотел казнить: четвертовать, предварительно оскотив, ободрав кожу и выколол глаза. А жену твою, прекрасную княгиню Александру, отдать на солдатскую жаркую потеху.... А потом, вдруг, царь передумал. Может, просто пожалел тебя, а, может, и не просто.... Короче. Вот тебе, господин бывший генерал-губернатор, письмо от государя, – протянул обычный тёмно-коричневый конверт. – Прочти. Только торопись, охранитель. Время пошло. Тебе уже отплывать скоро. Ничего сейчас не спрашивай, в Указе, который я вскоре оглашу, всё будет сказано.

«Не ждал я от тебя, Алексашка, такого гадкого обмана!», – писал царь. – «От всех ждал, но чтобы от тебя.... Мерзавец ты законченный! Пожалел для законного государя – жены своей.... Тьфу! Что, убыло бы от неё? А скольких утех сладостных я был лишён по твоей подлой милости? Никогда не прощу! Никогда! Злыдень ты первейший.... Да, ещё, по поводу золо-

---

⁶ – На самом деле (в первоначальном мире) Яков Брюс дожил до глубокой старости и умер естественной смертью.

тишка. Ха-ха-ха! Если этот Аль-кашар не соврал, и ты послан к нам из Будущего, то для тебя это – дела пустяшные...».

«Вот они – Властители! Нельзя им верить!», – от души возмутился памятный внутренний голос. – «Сколько раз тебе, братец, Пётр клялся – в своей братской дружбе? Мол: – «Я твой, Алексашка, вечный должник, век не забуду...». И перед Санькой нашей неоднократно рассыпался в благодарности жаркой и бесконечной. А теперь вот – получите и распишитесь.... Да, коротка ты, память царская! Хорошо ещё, что казнить не надумал. С него стало бы...».

– Ну, охранитель, всё прочёл? – вкрадчиво и недобро спросил Ромодановский. – Тогда пойдём к остальным, я зачитаю Указ государев...

К причалу, тем временем, уже подошли женщины, облачённые в праздничные платья, нестерпимо сверкая драгоценными камнями золотых украшений, а дети удивлённо и восторженно разглядывали неподвижно замерзших у кромки воды солдат Московского полка.

– Дядя Николай! – обратился Егор к Ухову-старшему. – Отведи-ка всех ребятишек в дом, пусть там поиграют. Займи их чем-нибудь интересным.

Дождавшись, когда старик – в сопровождении нянек и денщиков – уведёт детей в центральное здание усадьбы, Егор попросил Ромодановского:

– Разреши, Фёдор Юрьевич, мне сказать несколько слов народу? Объясниться, так сказать...

– А что ж, и объяснись! – благодушно кивнул головой князь-кесарь. – Дозволяю!

Егор снял с головы треуголку, сорвал свой пышный ярко-оранжевый парик и выбросил его в ближайший кустарник, после чего заговорил – громко и чётко:

– Повиниться я хочу, господа и дамы. Вина лежит на мне великая. Немногим более восьми лет назад я обманул государя нашего, Петра Алексеевича. Не захотел я, чтобы царь воспользовался своим правом «первой брачной ночи» – в отношении невесты моей, Александры Ивановны Бровкиной, – внимательно взглянул на испуганную Саньку. – Вместе с известным вам доктором – французом Карлом Жабо – мы тогда обманным путём внушили государю, что ему смертельно опасно – вступать в плотские отношения с русскими женщинами. Вот и вся моя вина, господа...

– Теперь понятно, почему Пётр Алексеевич зимой 1695 года так неожиданно и безжалостно разогнал свой гарем, состоящий из дворовых девок, – негромко пробормотал себе под нос Алёшка Бровкин.

Ромодановский сделал два шага вперёд, вытащил из-за широкого обшлага камзола сложенный вдвое лист толстой бумаги и непреклонно объявил:

– Всё, поговорили и хватит! Теперь я вещать буду. Слушайте, голодранцы, Указ царский! Про «Великая Малыя и Белыя...» пропущу, пожалуй. Сразу перехожу к делу, итак: «За подлый обман учинённый – лишить Меньшикова Александра, сына Данилова, всех воинских званий и наград, отписать в казну государеву все его деревеньки, дома и вотчины. Обязать означенного вора Александра Меньшикова – вместе со всем семейством его – отбыть навсегда из России. На его личном фрегате «Александре», не позднее двадцати часов после оглашения ему этого Указа. При дальнейшем появлении на берегах российских – казнить всех Меньшиковых и их прямых потомков, не ведая жалости. С собой семейство злодеев Меньшиковых может взять золото, драгоценности, вещи и людишек – только из своего бывшего загородного поместья василеостровского...».

– Как же так, Фёдор Юрьевич? – Санька громко и требовательно перебила князя-кесаря. – На Москве же остался наш сыночек младший, Шурочка! Как же быть с ним?

– Зачем, Александра Ивановна, прерываешь меня? – рассерженно нахмурился Ромодановский. – В Указе сказано и про это! Слушайте дальше: «За нанесенную обиду наложить на семейство Меньшиковых достойный штраф – сто пудов чистого золота. Только после выплаты этого штрафа им будет передан младший сын семейства – Александр, сын Александров...».

– Сыночек мой, Шурочка! – тоненько запричитала Санька. – Где же мы возьмём такую гору злата?

– Успокойся, Саня, немедленно! – Егор впервые за всю их совместную жизнь повысил голос на жену. – Я знаю, где можно достать золота. Есть на востоке, за русской Камчаткой, земли дальние, тайные, богатые...

– Ты правду говоришь? – небесно-голубые глаза супруги, наполненные хрустальными слезами, были огромны и бездонны, таким глазам соврать было невозможно.

– Клянусь! – твёрдо ответил Егор. – Года за три должны управиться...

«Понятное дело, призовём на помощь великого и незабвенного Джека Лондона!», – незамедлительно отреагировал понятливый внутренний голос. – «Чилкутский перевал, Юкон, многочисленные ручьи, впадающие в эту реку.... Напряжёмся, вспомним лондонский текст, вычислим нужные ручьи, намоем золотишка. Ерунда, прорвёмся!».

– Уважаемые господа и дамы! – церемонно обратилась Санька к гостям. – Хочу извиниться, но трапезничать вам сегодня придётся без нас. Столы уже накрыты, угощайтесь! А мы с мужем вынуждены вас покинуть, ибо необходимо срочно заняться сбором вещей. Надо торопиться. Быстрее выплывем, значит, быстрее золото добудем – для выкупа нашего сыночка...

Они двинулись в сторону виллы, Егор непроизвольно обернулся: все его гости, обойдя стороной Ромодановского и Девиера, сбились в компактную группу, что-то горячо обсуждая и возбуждённо размахивая руками.

«А ведь они, наверняка, решают, кому плыть вместе с нами!», – предположил любящий немного пофантазировать внутренний голос. – «Что ж, в этом непростом и долгом походе лишних рук не будет...».

Егор нежно тронул жену за плечо:

– Сашенька, ты ступай в дом. Пусть горничные начинают носильные вещи собирать и паковать в тюки. Главное, не забудь про зимнюю одежду, а все свои драгоценности сложи в большую шкатулку, ордена мои присовокупи. Всё не влезет в одну? Тогда придумай что-нибудь, не маленькая уже.... Ну, и деньги собери в единое место. Знаешь ведь, где расположены мои финансовые тайники и схроны? Молодец! Потом ступай на кухню и распорядись, чтобы все продовольственные припасы начали перемещать на «Александр».... Да, ещё. Присмотри в доме всяких оригинальных штучек – с русским народным колоритом, которые могут сойти за подарки. Мало ли, с какими хорошими людьми мы повстречаемся в долгом путешествии.

– Знаешь, мне почему-то кажется, что и «Король» поплывёт с нами! – заверила его супруга. – Я видела, как Людвиг переглядывался со своей пампушкой Гердой. Кстати, я совершенно точно знаю, что они все деньги, зарабатываемые в России, регулярно переправляют в датские и голландские банки. А ты, Саша, куда?

– Мы с Николаем Савичем пойдём мужиков отбирать, которые поплывут вместе с нами. Хочу десять-пятнадцать крепостных прихватить с собой, да человек пять солдат Александровского полка, включая сержанта Димку Васильева.

– А солдат-то – можно ли? – засомневалась Санька.

– Можно! В Указе чётко сказано: – «...людишек из василеостровского имения, которые будут там находиться на момент оглашения...».

«Ох уж, этот Указ! – недовольно зашептал подозрительный внутренний голос. – «Не похож наш Пётр Алексеевич на легкомысленного и доброго чудака. Ох, не похож! Может, он специально оставил в документе эту хитрую лазейку? Зачем? А чёрт его, хитрюгу длинноногого, знает.... Например, решил направить вместе с тобой, братец, своего верного шпиона – выведать, куда «Александр» направится за золотом. А, что? С нашего царя станется! Совсем он и не такой прозрачный простачок, каким обожает претворяться перед доверчивыми иностранцами...».

– Да, моё сердечко, – вздохнул Егор. – Прямо сейчас я с вами не поплыву.

Встретимся уже потом, в одном и прибалтийских портов, например, в Кёнигсберге...

– Какой ещё Кенигсберг? – Сашенция, побледнев, испуганно прижала руки к груди. – Как это – ты не поплывёшь с нами?

– А вот так! – мягко усмехнулся Егор. – Неужели ты думаешь, что я мог бы вот так взять и уплыть из России, оставив своего сына в царском плену? Нет, ты ответь: думала такое обо мне?

– Нет, конечно же! – смущённо замялась и слегка покраснела жена. – Но только что ты, дорогой, задумал?

– Сам толком ещё и не знаю. Надо посоветоваться с твоим братом Алёшкой и с Медзо-морт-пашой. Вместе мы обязательно что-нибудь придумаем... А своих в беде никогда нельзя бросать! Особенно – своих единокровных детей...

Ещё через полтора часа, когда на причал начали усердно сносить вещи, продовольственные припасы и подкатывать бочонки с винами и русской медовухой, к Егору подошли Алёшка Бровкин и вице-адмирал Лаудруп.

– Сэр Александэр! – официально обратился к Егору Людвиг. – Разрешите вас отвлечь на несколько слов? Благодарю! Давайте тогда отойдём в сторонку...

Они прошли метров семьдесят вдоль каменной набережной, и присели на длинной деревянной скамье: Егор по середине, Алёшка и Лаудруп – по краям.

– Нам с маркизом де Бровки⁷ поручено..., – начал датчанин.

– Кем поручено? – широко улыбаясь, прервал его Егор.

– Э-э..., вашими верными друзьями, уважаемый господин генерал-губернатор...

– Можно, я объясню? – предложил Бровкин, видя, что Лаудруп слегка тушует и немного заикается: даже пиратская серьга покачивалась в его ухе как-то очень уж неуверенно, – Спасибо! Итак, Александр Данилович, мы решили отправиться вместе с тобой и домочадцами твоими в дальние земли, текст царского Указа это позволяет... Ты ведь не только начальник, а ещё и наш друг. Для каждого из нас ты сделал очень многое, никогда не предавал, ну, и всё такое... Да и такой ещё есть резон: если ты теперь в царской немилости, то и всех нас, твоих ближайших соратников ждёт скорая опала. А рука у нашего Петра Алексеевича – ох, тяжела!

– Что, неужели все решили плыть?

– Не совсем, – на секунду-другую замялся Алёшка. – Можно, я по порядку? Так вот, во-первых, это я и моя дочка. Про нас мы потом с тобой переговорим – наедине. Извини, брат мой датский, но так надо для дела! – печально подмигнул Лаудрупу. – Далее, Людвиг, Гертруда и Томас. Тут всё ясно: Людвиг поведёт «Короля», а Герда моей сестричке, а твоей жене, Данилыч, будет верной подружкой, чтобы наша Александра Ивановна не заскучала в восточных краях... В-третьих, Ванька Ухов и Илья Солев, ясен пень. Как же без них? Тем более что оба холостые и бездетные. Наоми-сан, опять же, тоже согласилась плыть... А вот Прохор Погодин остаётся. Не тащить же ему с собой пятерых детишек и жену, беременную шестым чадом?

– А что Фролка Иванов и его холонокровная Матильда?

– Вот здесь-то, как раз, совершенно ничего не понятно! – снова подключился к разговору Лаудруп. – Как любите говорить вы, русские: – «Сплошной туман!». Фрол очень хочет поплыть вместе с нами, а красавица Матти – ни в какую! Говорит, что ей хорошо и в Питербурхе, и никуда она не поедет. Ты же, сэр Александэр, знаешь мою молоденькую родственницу: красива, разумна, с холодной головой на плечах... Снежная Королева, одним словом, как ты её любишь величать. Так что, не знаю, до чего они там договорятся между собой...

Ещё через пять-шесть минут датчанин – по вежливо-извинительному жесту-сигналу Бровкина – поднялся на ноги и покладисто отошёл в сторону.

---

⁷ – Благодаря авторскому вымыслу (роман «Страж государев»), Алексею Бровкину в 1698 году – царским Указом – был присвоен титул русского маркиза, а Егору Леонову (Александр Меншикову) – звание русского пэра.

– Есть у меня, командир, один план, – обратился Алёшка к Егору. – Рискованный план, конечно же. Да ничего не поделаешь, надо нам обязательно подстраховаться: российский государь, Пётр Алексеевич, будет не из тех людей, которым можно доверять безоговорочно. Сам ведь знаешь, своё царское слово – царь завсегда может и обратно забрать, без малейшего зазрения совести. Так что, выслушай меня внимательно и не торопись – сразу же говорить – «Нет!».... Подожди, подожди! Это что же получается, мы с тобой об одном и том же подумали одновременно? Ладно, спасём нашего Шурика, не сомневайся.... А Лиза моя пусть плывёт вместе со всеми....

– Как это? – не понял Егор. – Ты остаёшься в России, а дочка...

– Вот именно! – посуровел лицом Бровкин. – Так, думаю, будет лучше для всех. Будет считаться, что это я не доглядел, и вы, злыдни законченные, тайно увезли Елизавету с собой. А я, мол, так люблю Петра Алексеевича, что даже и после этого остался на родине. Думаю, что в таком раскладе государь мне будет доверять гораздо охотнее.... Да и за Лизу мне будет спокойней. Вдруг, фортуна отвернётся, и нас всех переловят и казнят? Может быть такое? Ладно, ладно это я так неудачно пошутил! Уже плюю через левое плечо и усердно стучу по дереву...

Оказавшись на борту «Александра», Егор торопливо спустился в кают-компанию, где его уже дожидался сержант Димка Васильев, наряженный в парадный генерал-губернаторский мундир.

– Хорош, хорош, ничего не скажешь! – вскользь улыбнулся Егор, облачаясь в неприметную моряцкую одежду. – Давай, иди уже на палубу, прогуляйся немного! Только старайсяшний раз не поворачиваться к берегу лицом...

На воду спустили шлюпку. Егор и пятеро матросов принялись старательно дёргать за носовую якорную цепь фрегата: по придуманной легенде якорь зацепился за что-то на невском дне и не желал отпускать грунт. Для приличия даже залезли в воду, немного поплавали. Егор, пользуясь общей суматохой, незаметно поднырнул под самый берег, скрываясь за ветками кустарника, свисающими с невысокого обрыва, затаился...

Ещё через тридцать-сорок минут все три корабля вышли в серо-стальные воды Финского залива. «Апостол Пётр» – под Андреевским флагом – чуть отстал, как это и полагается бдительному и опытному конвою. «Александр» и «Король» шли бок о бок, словно близкие и верные друзья, а на их передних мачтах были подняты княжеские флаги семейства Меншиковых: гордые золотоглазые чёрные кошки – на фоне нежно-алой утренней зари...⁸

---

⁸ – Описываемый флаг – авторский вымысел, то есть речь идёт о фамильном флаге князей Меншиковых – в параллельном мире.

Глава вторая

Царский каприз и прощальное письмо

В приоткрытое окошко кареты неожиданно ворвались неаппетитные запахи.

– Что это такое? – брезгливо закрутил грушеобразным носом Медзоморт-паша. – Складывается впечатление, что впереди находится гигантская кухня. Причём кухня, в которой уже лет двадцать-тридцать никто толком не убирался: сплошной чад от подгоревшего некачественного масла, перебродившими помоями несёт за морскую милю.... Бр-р-р!

– Да, умеют восточные люди за всеми вещами и предметами закреплять точные и цветастые образы! – восхитился Алёшка Бровкин. – Москва – большая и грязная кухня, где никто никогда толком не убирался? Браво, браво! Вы, Медзоморт-паша, попали не в бровь, а в глаз! Что касается нашей первопрестольной.... Пётр Алексеевич решил, что новые европейские порядки мы заведём уже в Питербурхе, когда туда окончательно и бесповоротно перенесём русскую столицу. Мол, там-то мы уж точно построим истинный Парадиз, чтобы всякие немцы да голландцы обзавидовались! Ну, а Москву пока решили не переименовывать. Чего уж там, древность, как-никак, старина...

Под проживание турецкого посланника Иван Артёмич отвёл двухэтажный флигелёк своего каменного московского дома, причём две просторные светёлки были предназначены для жён высокородного Медзоморт-паши. Егору, как любимой и старшей «жене» почтенного басурмана досталась отдельная комната, являвшаяся – в старые и добрые времена – домашней библиотекой образованного семейства Бровкиных.

«Наша Александра Ивановна и здесь, судя по выбору книг, приложила свою нежную и романтичную руку», – печально вздохнув, отметил внутренний голос.

Егор запер дверь на щеколду, торопливо (жарко очень!) сбросил чадру на пол и от нечего делать погрузился в чтение. Как раз нашлась и подходящая литература, посвящённая плаваньям смелых голландских и испанских моряков по неведомым и загадочным южным морям.

Иван Артёмич уже послал нарочного в Преображенский дворец – с известием, что на Москву пожаловал полномочный турецкий посланник Медзоморт-паша, личный друг Небеснородного султана. Теперь надо было дожидаться царской реакции.

Вскоре за окнами послышался неясный шум, испуганные охи и ахи, громкое конское ржанье. Егор осторожно выглянул из-за плотной занавески и непроизвольно присвистнул от удивления: через широко распахнутые ворота во двор к Бровкиным въехала хорошо ему знакомая царская карета, запряжённая четвёркой чёрных коней.

«Смотри-ка ты, Пётр Алексеевич изволили пожаловать лично!», – восхищённо зацокал внутренний голос. – Что же его так заинтересовало? Вернее, кто? Медзоморт-паша, прибывший обсуждать дальнейшее развитие торговых отношений между Турцией и Россией, или вице-адмирал Алексей Иванович Бровкин, привёзший последние новости с Васильевского острова? Приоткрой-ка окошко, вдруг, да услышишь чего интересного....».

Из кареты выбрались Пётр, царевич Алексей и неизвестный Егору молодой мужчина очень представительного вида.

«Очевидно, государь начинает всё шире привлекать своего сына к важным государственным делам!», – одобрительно заявил внутренний голос. – «Царевичу скоро исполнится четырнадцать лет, а выглядит он у нас на все шестнадцать-семнадцать. Вот такая особенность просматривается у семейства Романовых! А этот кавалер в тёмных одеждах, скорее всего, новый советник государя. Заменяет, по-видимому, Меньшикова Александра Даниловича, попавшего в царскую немилость. Тебя, то бишь, мон шер. Что ж, оно и понятно. Князь-кесарь Ромодановский стар и ворчлив, Антошка Девиер недостаточно образован, а царевич Алексей избыточно

разумен и приземлён. Вот и выписали откуда-то очередного умника, чтобы Петру Алексеевичу не давал скучать...».

В глубине старого сада, прямо напротив окошка, за занавесками которого прятался Егор, стояла просторная летняя беседка, где и расположились высокие переговаривающиеся стороны: царь, Медзоморт-паша, царевич Алексей, Иван Артёмич, Алёшка Бровкин и неизвестный кавалер в тёмном. Причём в руках Ивана Артёмича и Медзоморт-паши тут же появились толстые пачки бумаг и пергаментных листов. Очевидно, намечались денежные сверки по хлебным поставкам в Европу – через турецкие черноморские проливы.⁹

Егор нашёл на стеллаже с книгами подзорную трубу, и, удобно устроившись в мягком кресле за занавеской, занялся наблюдениями, благо до беседки было немногим больше ста метров.

«А государь постарел! Вон, новые морщинки прорезались возле крыльев носа, в жиденьких усах просматривается седина...», – печально вздохнул сентиментальный внутренний голос. – «Да, искренне жаль, что разошлись наши дорожки. Сойдутся ли когда? Скорее всего, уже нет. Сильные мира сего очень уж не любят – менять своих концептуальных решений...».

Выяснилось, что Петра бумажно-денежные дела совершенно не интересовали, он лениво покуривал свою старую вересковую трубочку и изредка перебрасывался с Алёшкой Бровкиным короткими фразами. А вот царевич Алексей, наоборот, принимал в финансовых свертках и спорах самое заинтересованное участие, Бровкин-старший и Медзоморт-паша посматривали на юного собеседника с явным одобрением.

Царь, подхватив маркиза де Бровки под руку, повёл его прочь от беседки, небрежно махнув остальным участникам переговоров, мол, не обращайтесь на меня никакого внимания, занимайтесь своими важными делами...

Сделав по парку большой полукруг, Пётр и Алёшка остановились в пяти-шести метрах от приоткрытого Егорова окна, так что он прекрасно мог слышать каждое произнесённое ими слово.

– Значит, утверждаешь, что Алексашка коварно заманил твою дочку Лизу на борт фрегата и подло увёз девочку в дальние и неизвестные страны? – насмешливо спросил царь.

– Ну да, увёз, – неуверенно промямлил маркиз. – Подлый негодяй и изменщик, змей подколодный...

– Врёшь ведь всё, зараза худородная! – неожиданно возмущился, впрочем, без особой злости Пётр. – Все кругом окончательно заврались, держат меня за последнего идиота, не дружащего с разумом! А ещё и гадкие таблетки подсовывают иногда... Одна только Матти датская – правдивая и честная барышня! Только при этом – натуральная Снежная Королева, вовсе без сердца...

– Так, Пётр Алексеевич, я и не вру...

– Ну, так нагло придумываешь, что дела совершенно не меняет. Не мог мой Алексашка – похитить маленькую и беззащитную девочку! Это я могу сделать, Ромодановский Фёдор Юрьевич, Антошка Девиер – прохиндей и записной карьерист... А Данилыч не может, душа у него другая, мягкая и нездешняя... Не, ворогов-то подлых он убивает пачками, безо всякого зазрения совести. Но, чтобы похитить маленького ребёнка? Не верю! Если хочешь знать, маркиз недоделанный, мне даже стыдно такие напраслины выслушивать от тебя про Светлейшего князя! Пусть уже и бывшего. Я вообще не верю, что он отплыл на «Александре» в дальние страны. Не мог он своего малолетнего сына – оставить в моих жестоких лапах! Не мог! Наверняка, шарахается где-то под Москвой и готовится к освобождению Шурки...

Алёшка чуть помялся и бухнул:

---

⁹ – Хлебные поставки в Европу – через турецкие черноморские проливы – авторский вымысел, итоги переговоров Егора в Стамбуле в 1698 году. (Роман «Страж государев»).

– Так, Пётр Алексеевич! Может, ты простишь Александра Даниловича, а? Простишь и вернёшь, вместе со всем его семейством и другими нашими достойными ребятами? А? Что тебе стоит? Твоё слово-то царское, никто и пикнуть не посмеет.... И опять всё будет как раньше, разным подлым гадам на зависть...

– Не могу! – нахмурился царь. – Может быть, и хочу – в самой глубине души, но не могу.... Слуга, подло обманувший своего государя, заслуживает только лютой смерти! Или же, на худой конец, окончательного и бесповоротного изгнания из страны.... Так заведено и точка! Не хочу я отступать от незыблемых принципов, расхолаживать других своих холопов! А по Алексашке..., да, скучаю сильно, даже война уже не так веселит, как раньше, наскучила слегка. Вот, Нарвскую крепость надо брать вскорости, а без Данилыча уже и кураж совсем не тот. Наверняка, будет обычная классическая осада, безо всяких хитрых изысков и смелых придумок.... Ты, маркиз, даже не уговаривай меня! Нет Алексашке моего прощения, нет ему дороги обратно в Россию.... Да, кстати, на послезавтра ты и Медзоморт-паша приглашаетесь в Преображенский дворец, где состояться маленькие семейные посиделки. Буйносовы будут, Шереметьевы, кто-то из Голицыных. Пусть наш высокородный турок прихватит и жён своих, Катеньке моей интересно будет посмотреть на них.... Парадные палаты Кремля? Полностью отпадают! Там по летнему времени такая духота, хоть вешайся сразу. Сегодня мы с царевичем Алексеем заезжали в Пушкарский приказ по делам воинским, так я там больше пятнадцати минут не смог выдержать: воняет, как в хорошем зверинце, пришлось на улицу выйти, так и не подписав всех бумаг.... Тут от Покровских ворот и подбежал специальный гонец-соглядатай, мол, в город въехала карета с вице-адмиралом Бровкиным и каким-то басурманом. Ну, мы к дому Ивана Артемича сразу же и направились.... Не, Алёша, надо быстрее переносить столицу в Питербурх! Там морской воздух, свежесть, новью пахнет.... Говоришь, что Медзоморт-паша сравнил нашу Москву-столицу с гигантской неубранной кухней, насквозь пропахшей прогорклым масляным чадом? Молодец турок, наш человек! Зрит в самый корень.... Ещё вот одно. Не надо больше мне рассказывать всякие глупости и гадости о Данилыче! По-дружески тебя прошу, адмирал! У меня на «Александре» имеется свой доверенный человек, на днях получу весточку от него. Вот тогда-то и узнаю, как да что, и чего ожидать в дальнейшем...

Через два-три часа царь с сопровождающими отбыл восвояси, укатили куда-то по своим делам на скромной двуколке Ивана Артемича и Медзоморт-паша с маркизом Алёшкой. Егор снова с головой погрузился в чтение, предварительно плотно задёрнув занавески.

Уже поздней ночью, когда все другие обитатели фамильного гнезда Бровкиных разошлись по своим спальням, Алёшка, предварительно тихонько побарабанив костяшками пальцев в дверную филёнку, просочился в комнату к Егору, плотно прикрыл за собой дверь и выдохнул:

– Очень туго у нас со временем, Данилович! Почувствовал что-то Пётр Алексеевич, заподозрил неладное! С чем, с чем, а с чувством опасности у него всегда всё было в полном порядке.... А ещё этот его тайный доверенный человек, который сейчас находится на борту «Александра». Через день-другой царь запросто может узнать, что тебя, Данилыч, нет на фрегате.... Поэтому действовать надо незамедлительно и решительно, на этих самых посиделках, что состояться в Преображенском. Потом можем уже и не успеть...

– Подожди, подожди! Причём здесь Преображенский дворец?

– Там же содержится наш Шурик, в западном крыле, где раньше проживал покойный Яков Брюс! Я что, так ещё и не сказал про это? Ну, извини, не успел, забежался.... Так вот, план похищения мальчика уже свёрстан, правда, пока только на живую нитку. Гаврюшка постарался.

– Гаврюшка?

– Ну да! Наш с Санькой младший братишка. Помнишь, несколько лет назад Пётр Алексеевич его назначил охранителем царевича Алексея? Когда наследник престола чуть не утонул

в воронежской реке? Так вот, сейчас Гаврюшка занимает в охранной царской Службе отнюдь не последнюю должность. Вася Волков, глава Службы, сейчас находится на Митаве. Там дела происходят очень важные и серьёзные, раньше первых зимних морозов не закончатся. Так вот, обычно на случай долгих отъездов из Москвы Василий – в последнее время – назначал на своё место Антона Девиера. Да, говорят, что между царём и Антошкой кошка пробежала ненароком. Только не чёрная а, наоборот, светленькая такая, датская. Матильдой её зовут. Вот Пётр Алексеевич нынче и отправил Девиера с князем-кесарем Ромодановским в Питербурх.... Так что охранной царской Службой нынче Гаврюшка руководит негласно. По всеобщему умолчанию, так сказать. Он сегодня даже присутствовал и на государственных секретных переговорах с Медзоморт-пашой.

– Тот элегантный кавалер в тёмных одеждах – Гаврюшка? – искренне удивился Егор. – Как же время летит быстро! Чёрт те что...

– Летит, летит! – поддержал одноглазый адмирал. – Так вот, предлагается следующий нехитрый план. В оговорённый час в казарме охранной Службы вспыхнет сильный пожар, из тех, на тушение которых уходит не один час.... Казарма охранной Службы, как ты помнишь, располагается всего в двухстах метрах севернее Преображенского дворца. Гаврюшка тут же бросит на тушение пламени основные силы своих сотрудников. Всех, конечно же, снять из западного крыла дворца у него не получится, останется примерно три поста – по одному человеку в каждом. Ты, облачённый, естественно, в турецкую чадру, в общей суматохе переместишься в западное крыло. Не заплутаешь?

– С чего бы вдруг? Я эти места знаю, как свои пять пальцев! Каждый коридор помню наизусть – ещё с тех времён, как Яшку Брюса доводилось посещать.... Говоришь, только трое часовых? Причём все трое – из нашей Службы? И я их, возможно, знаю лично? Чёрт, это же усложняет дело! Их же придётся..., придётся...

– Да, их всех придётся убить, – очень тихо, выговаривая слова практически по слогам, подтвердил Алёшка. – Просто оглушить – здесь не получится. Женщина в турецкой чадре слишком приметная фигура. Сразу станет ясно, откуда растут ноги. Кроме того, убивать их надо будет, не оставляя явных следов насилия...

– Ладно, этот неприятный момент я понял, хотя и не до конца.... Впрочем, великий стратег и тактик, излагай дальше!

– Дальше всё очень просто, – демонстративно невозмутимо зевнул адмирал. – У последнего трупа ты заберёшь из кармана ключи и отопрёшь дверь в помещение, где содержится Шурик. Поцелуешь своего драгоценного сына, успокоишь, как сможешь. Потом схватишь мальчугана в охапку и со всех ног побежишь к молодой берёзовой рощице, до которой будет метров двести пятьдесят. Там тебя будет ждать мой верный, надёжный и многократно проверенный человек. Ему отдашь Шурку, взамен возьмешь холщовый мешок с телом...

– С к-каким телом?

– Со свежайшим трупом трёх – четырёхлетнего мальчишки с ближайшего церковного погоста, – доходчиво пояснил Алёшка. – Надо же всё обставить по-человечески, с толком, чувством и расстановкой? Сам же учил меня в своё время.... Итак, Александра Александровича сдашь на руки моему человечку, возьмёшь мешок с мёртвым мальцом, вернёшься в палату. Тело аккуратно вытащишь из мешка, туда же перенесёшь трупы охранников, разложишь их в художественном беспорядке. Потом запалишь западное крыло дворца в двух-трёх местах, надёжный горючий состав я тебе дам.... Ты же сам осторожно – тихим сапом – возвратишься на прежнее место и прибьёшься к двум другим жёнам Медзоморт-паши. Я их, пользуясь всеобщей паникой, отведу в царскую цветочную оранжерею.... Пожар в западном крыле, естественно, потушат – рано или поздно. Потушат и найдут на пепелище обгоревшие тела мальчишки и трёх охранников, которые, якобы, до конца героически сражались с огненной стихией. Именно поэтому их и надо убить, не оставляя явных следов насилия....

– План как план, – неопределённо пожал плечами Егор. – Только вот объясни мне, как мы доставим Шурика до Кёнигсберга?

– Да, это непростой вопрос! – скорчил озабоченную гримасу адмирал. – Тем более что со дня на день на Москве может объявиться князь-кесарь. Фёдор Юрьевич Ромодановский – совсем не тот человек, которого стоит недооценивать. Он-то, наверняка, заподозрит хитроумный обман и надёжно перекроет все дороги, ведущие в Европу.... Ладно, потом подумаем над этой проблемой, когда Санёк уже будет в полной безопасности.... Есть и ещё один вариант. Мне удалось сегодня коротко переговорить с одной, э-э-э, прекрасной и весьма могущественной особой.... Нам обещана действенная помощь. Правда, всё это весьма призрачно и ненадёжно.... Извини, Александр Данилович, но подробней рассказывать не буду, боюсь сглазить. Ты же и сам ко всяким приметам относишься трепетно и серьёзно, так что должен отнестись с пониманием.... Ну, хорошо, хорошо, ты только не кипятись! Не буду наводить тень на плетень, не буду, честное слово! Екатерина, жена государя нашего Петра Алексеевича, помня о былых заслугах, обещалась подумать, как выручить нас, сирых да убогих...

В Преображенском мало что изменилось за прошедшие два с половиной года, только вот стены дворца сверкали на вечернем солнце свежей тёмно-жёлтой краской. Впрочем, толково рассмотреть окружающее было сложно, конструкция турецкой чадры этому совершенно не способствовала. Тем более что время было уже вечернее, до заката оставалось часа полтора. Да и головой вертеть во все стороны приличной турецкой женщине не полагалось...

Между тёмно-жёлтым дворцом и длинными прудами были возведены три деревянные, украшенные искусной резьбой беседки: одна очень длинная и широкая, в ней за обеденными столами запросто могло расположиться до тридцати-сорока знатных персон, и две маленькие – уже для серьёзных и частных бесед.

Встречать полномочного турецкого посланника вышел сам Пётр (во время неофициальных мероприятий он всегда любил продемонстрировать иностранцам свою прогрессивную демократичность и полную чуждость к показной гордыне), под ручку с женой Екатериной. За их спинами маячили приветливо-серьёзные физиономии царевича Алексея, Гаврюшки Бровкина, Борис Шереметьева и Автонома Головина.

Из передовой кареты на старательно выкошенную преображенскую травку вылезли адмирал Бровкин и Медзоморт-паша, облачённые – по случаю царского, пусть и неофициального приёма – в соответствующие парадные одежды.

– Сидеть, молчать, ждать! – недобро покосившись в сторону Егора, зло прошипел (во второй карете) на ломанном английском языке пожилой евнух.

О чём разговаривали царственные хозяева и их высокий турецкий гость, было толком не разобрать, поэтому оставалось только одно – внимательно всматриваться в знакомые лица.

Пётр выглядел каким-то задумчивым и слегка заторможенным, сказав положенные по такому случаю дежурные фразы, он как-то сразу замкнулся, рассеянно посматривая по сторонам. Складывалось впечатление, что российский царь усиленно размышлял о чём-то своём, или же чего-то напряжённо ждал, например, свежих новостей...

Лицо Екатерины, напротив, было счастливо-беззаботным. Она всем своим обликом выражала полное довольство жизнью – во всех её проявлениях – и разговаривала с турецким посланником живо и вежливо, лучезарно улыбаясь и с любопытством посматривая в сторону второй кареты.

А вот царевич Алексей был собран и серьёзен, легко угадывалось, что ему не терпится продолжить с Медзоморт-пашой недавние серьёзные разговоры о делах наиважнейших – финансовых и торговых.

«Настоящий государственный деятель вырос из сопливого мальчишки!», – торжественно объявил впечатлительный внутренний голос, нечуждый элементарного тщеславия. – «Не пропали даром, братец, наши с тобой совместные усилия! Не пропали, ей-ей...».

Наконец, все высокородные особы проследовали в большую беседку, где наблюдались и другие знатные дамы и господа, приглашённые на это мероприятие: в предзакатных лучах солнца сверкали золотом генеральские и офицерские погоны, чарующе белели оголённые женские плечи. Вскоре оттуда раздались звуки вежливых аплодисментов, тоненько и загадочно зазвенели хрустальные бокалы, встречаясь в приветственных тостах.

«А в посуду высокородного Медзоморта, скорее всего, наливают обыкновенный фруктовый морс!» – насмешливо заявил зловредный внутренний голос. – «Что поделывать, вера у него, бедняги, такая...».

Дверца кареты, где находился Егор, распахнулась, и седоусый царский дворецкий – важный до невозможности, наряженный в раззолоченную ливрею и слегка напоминающий новогоднюю праздничную ёлку – объявил на прекрасном английском языке, улыбаясь холодно и дежурно:

– А вам, дамы и..., э-э-э, господин, предложено пройти в малую беседку. Прошу вас, любезные мои, прошу!

За спиной ёлки-дворецкого маячили двое – неприметные такие из себя, но широкоплечие, старательно прячущие свои лица за полями широких тёмных шляп.

Минут через десять-двенадцать со стороны главных дворцовых ворот послышался громкий цокот конских копыт, противно заскрипели о мелкие камушки каретные колёса. Егор, предчувствуя недоброе, торопливо оглянулся.

Тёмно-коричневый, скромный кожаный возок, проехав вдоль прудов до арочного мостика между ними, остановился. Широкая дверца возка распахнулась, и на зелёную травку ловко спрыгнул высокий кавалер в немецкой одежде, с короткой дорожной шпагой на боку.

«Никакой это и не кавалер!», – понимающе усмехнулся внутренний голос. – «А Матильда Лаудруп – Снежная Королева! Вот как оно получилось... Похоже, прибыли свежие новости, которых так нервно и вожделенно дожидался Пётр Алексеевич. Очевидно, адмирал Лаудруп сделал остановку в каком-то балтийском порту. Царский соглядатай тут же передал восточку на берег, где её уже дожидались. Матти тут же направились в Москву. А куда, интересно, подевался Антошка Девиер?»

Матильда – под весёлые и дружеские приветствия – заняла своё место за обеденным столом.

А ещё через пять-шесть минут из беседки выбежал, неуклюже подпрыгивая, важный и упитанный царский дворецкий и торопливо скрылся за приоткрытой двустворчатой дверью, ведущей в покои Преображенского дворца. Вскоре оттуда выскочили пятеро вооружённых сотрудников царской охранной Службы и бодрой рысцой припустили в сторону дворцового парка, откуда доносились гортанные, неприятно режущие слух вопли павлинов.

«Творится что-то странное и явно недоброе!», – засомневался осторожный внутренний голос. – «Появилась Снежная Королева, и всё пошло наперекосяк, чёрт её поberi! Как бы вся операция не сорвалась, ещё даже и не начавшись. Хорошо ещё, что западное крыло дворца находится в другой стороне...».

Время шло, но абсолютно ничего не происходило, никаких гостей в маленькой «турецкой» беседке не наблюдалось. Наступил тёмно-сиреневый вечер, стемнело, в большой беседке, откуда, практически не смолкая, долетали мужские хмельные голоса и серебристый женский смех, расторопные слуги, пользуясь полным безветрием, зажгли многие десятки ярких свеч.

Один раз из вечернего сумрака кто-то невидимый отдал короткую команду:

– Ефимов и Тыртов, кончайте здесь отсвечивать, бездельники! Следуйте к восточному крылу дворца, так видели кого-то подозрительного. Ну, быстро у меня!

Послышался неясный шум, издаваемый двумя парами торопливо бегущих ног, и снова всё вокруг стихло.

«Понятное дело, это Гаврюшка Бровкин заблаговременно отгоняет своих сотрудников от царских беседок», – одобрительно пояснил чуткий внутренний голос.

Неожиданно рядом весело замелькали три жёлто-оранжевых огонька-светлячка, по деревянным ступеням беседки чуть слышно прошелестели лёгкие женские шаги.

– Доброго вам здоровья, милые принцесс! – глубоким и мелодичным голосом по-русски поприветствовала присутствующих нарядная Екатерина, в девичестве – Марта Скавронская, крепко сжимающая в ладони правой руки позолочённый подсвечник.

Видя, что турчанки вскочили со своих мест и начали безостановочно кланяться, Егор поспешил последовать их примеру. Пожилой же евнух и вовсе – как подкошенный – бухнулся на колени, звонко приложившись при этом лбом о дубовые доски пола.

Не дождавшись ответа, Екатерина, мило улыбнувшись, повторила свою приветственную фразу на немецком и английском языках.

– Они вас – не понимать! – глухо сообщил с пола евнух на своём ужасном английском. – Турецкая женщина – говорить только по-турецки! Извините, Небеснородная!

– Что ж, оно и к лучшему, – неотрывно глядя на Егора (под чадрой), негромко произнесла Екатерина на немецком языке. – Я думаю, дорогой сэр Александэр, что всё непременно сладится и получится. Я помогаю вам – в память о моей безвременно ушедшей подружке Луизе де Бровки. Ну, и из безмерного уважения к моей второй подруге – Светлейшей княгине Александре Меньшиковой – потерянной навсегда... Удач вам, мой добрый друг! Минут через двенадцать-пятнадцать незаметно подойдите ко второй маленькой беседке. Там вы услышите нечто весьма интересное и примечательное.... Прощайте, храбрый охранитель! Извините, но подсвечника вам оставить не могу. Тем более что сейчас темнота – ваш главный друг и помощник...

С этими словами Екатерина покинула беседку. Затихли звуки её почти невесомых шагов, мелькнули и скрылись за искусно подстриженными шаровидными кустами три добрых светлячка-огонька.

Выждав некоторое время, Егор упруго поднялся со своего места и внушительно сообщил евнуху:

– Теперь, морда наглая, сядь и помолчи. Если будешь мешаться под ногами, то придушу – как стамбульского бродячего пса. А могу ещё по-простому нажаловаться Медзоморт-паше, он тебя, мерзавца толстозадого, разрежет на маленькие кусочки и скормит своим любимым аквариумным рыбкам...

Он бесшумно подобрался ко второй маленькой беседке, осторожно отодвинул в сторону ветку садового боярышника.

Внутри беседки было светло, благодаря десятку горящих свеч. За прямоугольным столом – друг напротив друга – сидели Пётр и Матильда Лаудруп.

– Что же, спасибо за службу, Снежная Королева! – подвёл царь черту. – Значит, бешеное золото сокрыто в горах северо-американской Аляски.... В те края ещё моим отцом, Алексеем Михайловичем, посылалась экспедиция под руководством служивого человека Семёна Дежнева. Только отчёты по ней, видимо, затерялись где-то – в суете бестолковых боярских приказов.... Надо будет озаботиться этим вопросом. Особенно касаясь географических карт и планов. Да и о новых экспедициях следует крепко подумать.... Идём далее. Получается, что Алексашки на борту фрегата нет, чего и следовало ожидать. Следовательно, он высадился где-нибудь на прибалтийском берегу и скоро будет на Москве.... Алексашка, он хват нешуточный! Его голыми руками не взять: обучен всякому, умен, сообразителен, осторожен. Тут без серьёз-

ной крови не обойтись.... Ладно, иди уж, Матильда, с этой проблемой я сам разберусь. Позови остальных...

«Что же, Пётр Алексеевич – человек весьма обстоятельный и разумный!», – уважительно хмыкнул внутренний голос, любящий всё увиденное и услышанное тут же анализировать и раскладывать по полочкам. – «Только вот фраза – «с этой проблемой я разберусь сам», что она означает? Интересно, каким образом царь собирается, братец, разобраться с тобой?».

В переговорную беседку поднялись и по знаку Петра расселись напротив него царевич Алексей, Медзоморт-паша и Алёшка Бровкин.

– Что ж, высокородные господа, я ознакомился с вашими бумагами, – объявил царь. – Всё очень дельно, вы проделали большую и серьёзную работу. Готовьте тексты новых мирных и торговых Соглашений. Высокородный Медзоморт-паша, у вас же есть необходимые полномочия – для подписания таких важных документов? Отлично! Не утруждайте себя – прямо сейчас – поиском соответствующих бумаг, передадите мне ваши верительные грамоты через несколько дней, так сказать, в торжественной и официальной обстановке. С нашей стороны все документы подпишет царевич Алексей. Вести все южные дела – от имени России – я поручаю именно ему.... (Царевич – в знак благодарности за оказанное доверие – коротко, с чувством собственного достоинства кивнул головой). Да, вот ещё, любезный мой Медзоморт-паша! Я приглашаю вас – вместе с вашими прекрасными жёнами – провести три-четыре дня, оставшиеся до официального приёма, в моём Преображенском дворце. Поболтаем немного с вами в спокойной обстановке, поиграем в шахматы, в нарды, в русское домино.... Вы же, надеюсь, не будете против?

Медзоморт-паша – бывший забубённый пират, опытный и битый лис, дипломат до мозга костей, только невозмутимо погладил свою седую, аккуратно подстриженную бороду и забормотал вежливые слова благодарности.

«Вот, пожалуйста, ещё одна очередная неожиданность!», – обречённо поморщился внутренний голос. – «Хотя, может, после предстоящих пожаров Пётр Алексеевич отменит это решение?».

Тем временем Пётр вежливо попрощался с царевичем Алексеем и турецким посланником, а адмирала Бровкина (с незабываемыми интонациями Мюллера – из телевизионного сериала про разведчика Штирлица) попросил задержаться.

Ещё через полторы-две минуты, дождавшись, когда царевич и Медзоморт-паша отойдут подальше, царь властно обратился к темноте, окружающей беседку:

– Эй, дядя, подходи к нам!

По песчано-гравийной дорожке, ведущей от двустворчатых дверей дворца, послушался негромкий скрип-треск. Это послушно перекатывался под подошвами чьих-то сапог мелкий гравий. Жалобно скрипнули деревянные ступени беседки под грузными и уверенными шагами...

В желтовато-призрачных отблесках горящих свечей возле стола появился князь-кесарь Фёдор Юрьевич Ромодановский, ведущий за руку светленького мальчишку.

«Это же Шурик! Вырос-то как, родненький, кровиночка наша...», – зачарованно выдохнул растроганный внутренний голос. – «Что же теперь делать? Совсем скоро в казарме охранной Службы начнётся пожар. А дальше-то что, спрашивается? Операция уже сорвана, сто один процент! А после пожара царь, наверняка, решит отправить Сашутку в совершенно другое место. Отправит обязательно, гнида осторожная...».

Адмирал удивлённо охнул, а мальчишка, ловко вырвав свою крохотную ладошку из огромной лапищи князя-кесаря, бросился к Бровкину, восторженно вопя:

– Дядя Алёша, ура, ура! А где мои папа и мама? Где Катенька, Петька, дедушка Иван Артёмич и Лизок?

– Они немного задерживаются, племянш, извини. Но очень скоро ты их всех увидишь. Обязательно увидишь, обещаю, – смущённо и неуверенно забормотал Алёшка.

Дождавшись, когда порыв родственных чувств слегка стихнет, Пётр снова забрал нить разговора в свои сильные и уверенные руки:

– Ладно вам, дядя и племянник, угомонитесь! Кому я сказал? У вас очень скоро будет в достатке времени для общения. Ещё непременно успеете надоесть друг другу.... Я могу говорить? Вот спасибо, уважили! Итак, Алексей Иванович Бровкин, вице-адмирал, маркиз де Бровки, я принял окончательное и бесповоротное решение. Причём, принял его под беспрецедентным давлением – практически со всех сторон.... Ну, и на основании собственных долгих и муторных размышлений.... Итак, адмирал Бровкин, забирай своего племянника и прямо завтра выезжай – через Урал и Сибирь-матушку – к славному российскому городу Охотску. Там хваткие ребятки построили крепкий двухмачтовый ял, заложили трёхмачтовый фрегат.... Короче говоря, достраивай, адмирал, тот фрегат, иди на нём к Аляске и отыщи там Алексашку. Только сперва, Алексей Иванович, дай мне своё честное слово, что после этого ты – вместе со своей дочкой Лизой – сразу же вернёшься назад, в Питербурх!

– Государь, да я...

– Ну, адмирал, слово?

– Вернусь, государь! – обречённо выдохнул Алёшка. – Честное благородное слово!

– То-то же! – довольно, словно сытый кот, своровавший с хозяйского стола кусок парного мяса, усмехнулся в свои реденькие усики царь. – Продолжаю. Найди лагерь нашего Данилыча и хорошенько запомни это место. Не просто запомни, но постарайся и карту, какую-никакую, составить. Понял? Потом отдай бывшему Светлейшему князю его отпрыска, забери свою дочь и поспешай назад.... Ах да, ещё же выкуп.... Похоже, что со ста пудами – я погорячился немного. Забери у Алексашки золото, которое у него будет в наличии. Будет половина запрашиваемого – отлично. Только треть? Да и чёрт с ним! Так и быть, верни ему сына.... Я ведь царь, а не жадный лавочник! Что смотришь так удивлённо, как будто узрел чудо чудное? Интересуешься, наверное, с каких таких вкусных и сочных пирожков я заделался слюнявым мизантропом? Да просто всё, верный соратник! Во-первых, пока Шурик здесь проживает, то и Александр Данилович будет неустанно вертеться вокруг Москвы, а его фрегаты – тупо курсировать по седой Балтике туда-сюда. Азбука.... Это может долго продолжаться. Опять же, и кровушка русская, наверняка, прольётся – звонкими ручьями.... А так Алексашке, хочет он того или нет, придётся-таки плыть к Аляске, благо это совсем и недалеко от Охотска, и золотишко там добывать усердно. Во-вторых, некие прекрасные и нежные наяды – после вашего отъезда – перестанут, надеюсь, на меня дуться и изображать из себя холодную февральскую льдинку. В-третьих, и с моей души (с царской души!) спадёт тяжёлый камень.... Так что, собирайся в дорогу, адмирал! Подробности твоего отъезда мы не будем держать в секрете, а нужные бумаги тебе с самого утра князь-кесарь выправит.... Да, место-то «золотое», секретное, не забудь хорошенько запомнить и нанести на карту...

«Какая-то неразрешимая шарада! Что делать теперь, а?», – искренне возмущился окончательно сбитый с толка внутренний голос. – «Медзоморт-паша с жёнами должен трое-четыре суток находится в Преображенском дворце, а Алёшка с Шуриком уже завтра отбывают на Охотск.... Если улизнуть из дворца, взять у маркиза Сашутку и рвануть к Кёнигсбергу, то, что у нас получается? Во-первых, это откровенная подстава – и в отношении Медзоморта, и в отношении адмирала. Любой здравомыслящий индивидуум всё это легко сопоставит и сразу поймёт, что к чему. Во-вторых, если Алёшку взять с собой, то это очень плохо отразится на судьбе остальных Бровкиных, и Гаврюшки, и тестя нашего, Ивана Артемича.... И, наконец, в-третьих, князь-кесарь всё сразу и однозначно просечёт и тут же перекроет дороги – большие и малые – ведущие на запад. Однако, дела.... Может, пусть всё будет, как предлагает Пётр Алексеевич? Для четырёхлетнего пацана так будет гораздо безопасней: не придётся пересе-

кать два безбрежных океана, что сопряжено с серьёзными опасностями. Тем более что Шурик очень плохо переносит качку.... Да и стоит ли нарушать очередной приказ царя, который, в принципе, всех устраивает? Пётр же может разозлиться уже и по-настоящему, тогда только держись, половина страны – между делом – кровью умоется.... А так Шурёнок – в сопровождении родного и любимого дяди – прокатится по всей России с запада на восток, увидит много чего любопытного, полезного и познавательного, а к Охотску мы и сами, братец, подплывём, чего уж там...

Где-то за Преображенским дворцом неожиданно полыхнуло, к небу взметнулись неясные оранжевые всполохи, тут же со всех сторон предсказуемо зазвучало:

– Пожар! Пожар! Горим!

В темноте, с подсвечниками и факелами в руках, бестолково забегали-засуетились какие-то непонятные фигуры, зазвучали резкие и отрывистые команды офицеров.

Пётр на всё это безобразие отреагировал очень неожиданно и совершенно непредсказуемо:

– Вот, понимаешь, не успел! Ну, надо же, а.... Голову даю на отсечение, что пожар – это Алексашкина работа! Он у меня такой..., – в голосе царя неожиданно слышались нотки нежной гордости, впрочем, он очень быстро взял себя в руки и громко проорал в темноту: – Гаврюшка, мать твою! Быстро ко мне!

Через две-три минуты бледный Гаврюшка Бровкин был уже в беседке и уверенно докладывал:

– Ничего страшного, государь! Это горит казарма охранной Службы. Сейчас ветра нет, поэтому пожар не сможет перекинуться на дворец. Совершенно ничего опасного, высокородные гости могут безбоязненно оставаться за столами...

– Хватит, охранитель! – сердито перебил царь. – Я тебя позвал совершенно по другому поводу. Выдели-ка два десятка надёжных драгун – для охраны адмирала Бровкина и сего мальчика. Прямо сейчас выдели! Чтобы из дворца они отправились уже под надёжным эскортом. Ну, и дальше пусть драгуны сопровождают моих добрых друзей, до самого Охотска. Озаботься, чтобы служивые уже завтра по утру были экипированы знатно и получили все нужные бумаги, довольствие денежное.... Командира им самолично подбери – надёжного и опытного...

Егор вспомнил, что у него осталось ещё одно важное дело.

Он – на прощанье – внимательно посмотрел на сына, тяжело вздохнул и стал осторожно, стараясь не наступать на подол турецкой чадры, отступать от кустов боярышника.

Во всеобщей суете на бесформенную фигуру в тёмной чадре никто не обратил ни малейшего внимания. Егор уверенно прошёл по широкому коридору, свернул в узкий, снова – в широкий, вновь – в узкий...

Вот и заветный тупичок: деревянные планки – тёмно-фиолетовые, морёного дуба, между планками – изумрудно-зелёный бархат. Егор тревожно оглянулся по сторонам, зашёл в нишу, уверенно нажал на нужную планку. Лицевая сторона тупика послушно и почти бесшумно отошла в сторону.

Он зашёл в тайное помещение, нажал на крохотный выступ в стене. Убедившись, что стенка вернулась на прежнее место, он ловко сбросил свою чадру на пол, уверенно нащупал на маленьком столике коробок со спичками конструкции Меньшикова-Брюса, поджёг одну.

«Ничего не изменилось в тайном кабинете Петра Алексеевича, такой же несусветный бардак, как и прежде», – недовольно поморщился внутренний голос, обожающий порядок во всём. – «Вон же, братец, подсвечник с толстыми огарками. Поджигай быстрее, а то, не дай Бог, пальцы обожжёшь...».

На письменном столе – поверх горы других важных бумаг – лежала толстая картонная папка, на титульной обложке которой значилось: – «Смета строительства града Питербурха на

1704 год». А чуть ниже рукой Петра было приписано: – «Обязательно прочесть и утвердить до конца ноября месяца 1703года!».

«То, что надо!», – обрадовался быстро соображающий внутренний голос. – «Напиши-ка, братец, царю прощальное письмо и вложи его в середину этой секретной папки. Пусть Пётр Алексеевич его непременно прочтёт где-нибудь в августе-сентябре, не раньше...».

Хитро усмехнувшись, Егор обмакнул гусиное перо в пузатую чернильницу и начертил на чистом листе, найденном тут же, в бумажных завалах:

«Государь, Пётр Алексеевич! Доброго здравия и долгих лет жизни! Спасибо тебе, за то, что отпустил моего сыночка Шурочку, век не забуду! Оказывается, что благородство не чуждо и Властителям земным..., иногда.... Что касемо выкупа за моего сына.... Я не нуждаюсь в твоём снисхождении! Сто пудов золота непременно будут – в течение ближайших трёх-четырёх лет – внесены в твою царскую казну. Засим кланяюсь и прощаюсь навсегда. Твой недостойный холоп, Алексашка Меньшиков».

После этого он поставил дату, расписался, вложил письмо в середину толстой папки, облачился в чадру, старательно задул свечу и навсегда, презрительно и смачно сплюнув в угол, покинул тайный кабинет Петра.

«Ну да, в восемнадцатом веке – слюна ничего и не значит!», – насмешливо прыснул невыдержанный внутренний голос. – «Это в славном двадцать первом непременно взяли бы анализ на ДНК и вычислили бы сразу – кто тут такой смелый и наглый...».

Глава третья

Стойкие оловянные солдатики в Стокгольме

От Кёнигсберга они отчалили только во второй декаде августа. Так уж получилось, русские дороги никогда не способствовали быстрому передвижению по ним....

А Медзоморт-паша решил на недельку задержаться в славном немецком городке.

– Хочу осмотреть местные артиллерийские новшества, вдруг, что и закуплю для нужд армии и флота Небеснородного султана, – заявил турок. – Вот ещё что, сэр Александэр. Тут перед самым нашим отъездом из Москвы ко мне подошёл брат маркиза де Бровки, который назвался Гаврилой. Не знаю, стоит ли ему верить, больно уж лицо такое – чрезмерно серьёзное и умное.... Он велел передать, мол, на твоих фрегатах есть один человек, который представлен наблюдать Небеснородным царём. За всем происходящим усердно наблюдать, и докладывать – с любой оказией. Русское имя тому любопытному человеку....

– Не говори, паша, не надо! – прервал турка Егор.

– Хорошо, не буду. Но почему?

– Пётр мог и соврать, чтобы внести разлад в мою команду. Человек, который передавал имя, тоже мог соврать...

– Не продолжай, сэр Александэр, я всё понял...

Трёхмачтовый бриг «Король», заложенный почти тринадцать с половиной лет назад на лондонских королевских верфях, считался уже стареньким. Кроме того, он строился сугубо как торговое судно, поэтому был очень широким и внешне неуклюжим, слегка напоминая Егору приземистого английского бульдога.

– Ничего, зато мой «Король» очень устойчив на сильной боковой волне и всегда послушен рулю! – искренне нахваливал свой бриг Людвиг Лаудруп. – Правда, пушек маловато, всего-то двенадцать. Да, ничего страшного! Бог, как известно, он всенепременно помогает смелым и отважным....

На борт «Короля», кроме корабельной команды и рядового состава экспедиции, поднялись: Лаудрупы, Меньшиковы, горничная Наоми-сан, Илья Солев и молчаливый Фрол Иванов, сразу же удалившийся на корму брига.

– Что, подполковник, осталась на берегу твоя прекрасная Матильда? – Егор по-дружески положил руку на широкое плечо Иванова.

– Почему – на берегу? – подчёркнуто невозмутимо ответил Фролка. – Она ещё тогда, на Васильевском острове, поднялась на борт «Апостола Петра». Опираясь на локоток этого, – чуть слышно скрипнул зубами, – прыща голландского, Антона Девиера.

– Так и ты оставался бы с ней! Чего с нами-то попёрся, спрашивается? Личное счастье, поверь мне, оно всего дороже на этом свете...

– Нет, Александр Данилович, ничего бы уже не получилось! Матти, она же очень умная, рассудительная и расчётливая. Сразу же сообразила, что я – уже далеко не блестящая партия. Как это почему? Понятно, что сейчас все люди, которые с тобой, Данилыч, водили дружбу, навсегда лишатся карьерного роста. А за любую малейшую промашку обеспечена пожизненная каторга. Диалектика, как ты сам любишь говаривать.... Матильда тут же всё смекнула, меня стала старательно избегать и сторониться, а этому Антошке голландскому, наоборот, начала строить глазки.... Так что, может, оно всё и к лучшему. Вдруг, да и встречу в дальних заморских странах свою настоящую любовь...

Оставив Фролку наедине с его разбитым сердцем, Егор прошёл на капитанский помост и спросил у Лаудрупа:

– Людвиг, а почему ты не поднимаешь на мачте «Короля» адмиральского вымпела? Раз командор всего похода, то бишь – я, нахожусь на борту, значит, и твой бриг теперь является флагманским судном.

– Честно говоря, российский адмиральский вымпел мне теперь как-то неудобно поднимать, – задумчиво пощипывая свой длинный пиратский ус, сообщил датчанин. – Как не крути, а я в это плавание отправился без высочайшего одобрения Петра Алексеевича, государя русского. Есть у меня и свой личный вымпел, оставшийся ещё со старых времён. Но рановато его пока поднимать. Когда выплывем в благословенную Атлантику, вот тогда и подниму. Кстати, командор Александэр, мы ведь так и не оговорили предстоящий маршрут. Куда, в конце концов, мы следуем, а? Дальние восточные земли... Неужели ты говорил про арабские страны? Или про загадочную Индию? Какие у нас будут промежуточные остановки?

Егор нервно подёргал щекой. Лаудруп, конечно же, был моряком опытным: плавал в Балтийском, Северном и Средиземных морях, ходил к Исландии и Шпицбергену, посещал Канарские острова и португальский остров Мадейру. Но всё это, даже и вместе взятое, являлось сущей ерундой – перед предстоящим маршрутом. Не испугается ли шкипер, не раздумает ли?

– Проходим проливом Ла-Манш, – осторожно начал Егор. – Доходим до южной оконечности Португалии, после чего пересекаем Атлантический океан. Далее, вдоль южно-американского побережья идём на юг, проходим Магеллановым проливом...

– Ничего себе! – присвистнул Лаудруп. – Потом – что? Между делом проходим – с востока на запад – Тихий океан?

– Зачем? Такой необходимости нет. Мы идём вдоль американского берега строго на север. Пока не упрёмся в холодные полярные льды. Вот там и остановимся на годик-другой, построим крепкий стационарный посёлок, будем усердно добывать золото.

– Красивый и замечательный маршрут! – чуть насмешливо одобрил Лаудруп. – Шансов, что в конечном итоге останемся живыми, совсем мало. Впрочем... Золота много в тех дальних краях, сэр Александэр? Это хорошо... Обратно пойдём тем же путём?

– Золота там хватит на всех! – пообещал Егор. – И Шурку выкупить, и ещё останется вдоволь. Разделим всё по-честному, не сомневайся... Что потом будем делать? Я ещё сам не знаю. В Охотске встретимся с адмиралом Бровкиным, заберём Шурика. Намоем золота, сто пудов – для русского царя – сгрузим в том же Охотске. Дальше? Можно будет пойти на запад и, обогнув Африку, обосноваться где-нибудь в тихой и благословенной Европе. А, вдруг, какие-нибудь земли, что встретим по дороге, нам приглянутся? Ладно, потом и разберёмся! Через годика три-четыре...

– Ясли я правильно понял, сэр Александэр, наша первая остановка будет в порту моего родного Копенгагена?

– Нет, шкипер, держим курс прямо на древний город Стокгольм! – огорошил Лаудрупа Егор.

– Как – на Стокгольм? – брови датчанина поползли вверх. – Но там же шведы! А на подходе к Стокгольму дежурит их многопушечная эскадра...

– Ничего страшного, Людвиг! В 1699 году на Митаве я встречался со шведским королём, и у меня есть бессрочная путевая охранная грамота за его подписью. При предъявлении этой бумаги все подданные Карла обязаны незамедлительно сопроводить меня – до самой столицы Швеции.

Утренний туман рассеялся, и балтийская водная гладь, покрытая лёгкой рябью, весело заискрилась под лучами ласкового августовского солнышка. Подгоняемые лёгким бризом корабли, обогнув длинный мыс, ограничивающий кёнигсбергскую бухту с севера, взяли курс на шведскую столицу. На северо-западе из вод залива гордо выступали одиночные голые скалы, над которыми кружили беспокойные белые чайки. За тёмно-серыми скалами угадывались смутные очертания неизвестного парусника.

– Как там наш Шурочка? Следует, наверное, со своим дядей Алёшей на восток. Может, уже и Тулу проехали... Ты прав, Саша, так для нашего мальчика будет безопаснее. А на сердце, всё равно, очень тяжело, – крепко прижимаясь к его плечу, горестно прошептала Санька, и Егор почувствовал, как на кисть его руки упала крохотная горячая капелька, за ней – вторая...

Егор бережно обнял жену за нежные плечи, осторожно коснулся губами её светло-льняных, почти платиновых волос.

– Ничего, ничего. Я сейчас успокоюсь, – пообещала Санька и неожиданно сменила тему: – Саша, а ничего, что мы плывём в Стокгольм? Ну, Швеция ведь воюет с нашей Россией, а мы вот направляемся в гости к их Карлосу. Нехорошо это как-то...

– Во-первых, мы не собираемся выдавать шведам никаких русских государственных и военных тайн, – после непродолжительного молчания ответил Егор. – Просто попросим предоставить нам – на взаимовыгодных условиях – пару крепких кораблей. Для нашего серьёзного путешествия нужна и соответствующая эскадра. Во-вторых, в Северное море предстоит выходить датскими проливами – Каттегатом и Эресунном – где дежурит шведская эскадра, поэтому в любом случае нам не миновать Стокгольма. И, в-третьих, какой из Карла Двенадцатого – полноценный враг? Враг, это тот, который планирует отнять у тебя что-либо, получить финансовую выгоду – в случае воинской победы. А Карлус – обычный самовлюблённый мальчишка, дерзкий, но недалёкий и простодушный. Его интересует только сам процесс войны, а вовсе не её результаты. Пострелять, помахать шпагой, закатить шумный бал в случае успеха, потом двинуться дальше – на поиск новых приключений на свой тощий шведский зад... Поверь, душа моя, с таким несерьёзным и легкомысленным королём – вечным юношей – Швеция очень скоро перестанет играть в Европе роль первой скрипки. Да и второй, и третьей... Вот Германия, Франция и Англия – это да. Там у власти находятся ребята серьёзные и совсем непростые...

Ветер – час от часа – крепчал. Старенький «Король», словно подвыпивший русский мужик, начал раскачиваться с одного борта на другой, скрипя и постанывая при этом тоненько и жалобно. Багровое вечернее солнце испуганно спряталось в сизых грозовых тучах, появившихся неведь откуда.

– Енсен, морда ленивая! Живо убрать топселя! – прикрываясь рукавом камзола от солёных брызг забортной воды, скомандовал Лаудруп и пояснил Егору. – До Стокгольма осталось миль пятнадцать-семнадцать. По такому ветру, да на ночь глядя, не будем рисковать лишний раз. Встанем на траверсе столичной гавани, рядов со шведскими сторожевыми фрегатами. А в порт зайдём уже завтра, если ветер стихнет, да разрешение получим надлежащее...

На капитанском помосте появился Томас Лаудруп, требовательно постучал Егора по спине, строгим голосом («В свою матушку Герду пошёл!», – насмешливо отметил внутренний голос), сообщил:

– Дядя Саша! Вам непременно надо спуститься вниз, в кают-компанию! Непременно и незамедлительно!

В кают-компании царил вязкий полумрак, с которым настойчиво боролись два масляных фонаря, оснащённых высокими стеклянными колпаками. Санька обессилено откинулась в широком кожаном кресле, ножки которого были намертво приколочены к палубе. Глаза жены были закрыты, голова обессилено моталась из стороны в сторону, побелевшие кисти рук отчаянно сжимали подлокотники кресла. Из дальней части помещения неожиданно раздавались булькающие звуки: это, забившись в угол и крепко сжимая в своих руках медный тазик, хрипло и безостановочно блевала японка Наоми. Герда же держалась на удивление спокойно, тихонько покачивая на руках уснувшую Лизу Бровкину.

Егор повернул голову в другую сторону, старательно высматривая в сером полумраке своих детей.

Катенька скорчилась на узкой кровати, плотно завернувшись в одеяло, из-под которого высовывалось её испуганное личико, вернее – создавалось такое впечатление – только остренький носик и голубые испуганные глазёнки.

– Папочка, мне очень страшно! – отчаянно выдохнула дочка. – Мы что же, скоро утонем? Тётя Герда говорит, что нет. Но кораблик так стонет и плачет, жалуется, что очень сильно устал, что не может больше.... Папочка, мы не утонем?

– Нет, конечно же, родная! – заверил Егор, целуя девочку в бледный лобик.

На второй кровати, стоящей у противоположной стены узкого помещения, сидел, сложив ноги по-турецки, его сын Петруша. Мальчик, закрыв глаза, плавно раскачивался из стороны в сторону, его светло-русые, почти платиновые волосы («И этот – копия своей мамы!», – одобритительно высказался внутренний голос) были нещадно растрёпаны, подбородок предательски дрожал, по щеке сползала одинокая слезинка.

– Что же теперь делать? – жалобно спросил Егор у толстушки Герды.

– Как это – что? – удивилась датчанка, чёрные волосы которой даже в этой непростой ситуации были уложены в идеальную причёску. – Разве Томас не сказал? Вот же забывчивый пострелёнок, весь в отца! Дети просят, чтобы им перед сном рассказали сказку. Я пробовала. Да они говорят, что всё не то, мол, только их папа умеет хорошо рассказывать сказки. Вот и рассказывай, сэр Александэр! И я послушаю заодно...

– Сказку? – оживился Петруша и широко распахнул свои ярко-васильковые (Санькины!) глаза. – Да, папочка, расскажи, пожалуйста!

– Расскажи! – тоненьким голосом поддержала брата Катя.

Егор часто рассказывал детям на ночь сказки. Причём, те сказки, которые сам слышал и запомнил в своём двадцать первом веке, других-то он и не знал.... С одной стороны, это было неправильно. А, с другой, какая разница, если покойный Аль-кашар не соврал, и мир уже разделился на два параллельных, никак не зависящих друг от друга? В его вечернем репертуаре находились братья Гримм, Ганс Христиан Андерсен, Астрид Линдгрен и даже Александр Грин.

В этот раз он рассказал сказку о «Стойком оловянном солдатице». Только вот концовку повествования он – самым бессовестным образом – изменил. В его варианте оловянный солдат и бумажная балерина героически спаслись из жаркого пламени, поженились, и у них родились дети-близняшки: маленький бумажный солдатик и крохотная оловянная балеринка...

Результат получился совершенно неожиданным. Дочка, выбравшись из-под одеяла, села на своей кровати и торжественно объявила:

– Папа, я всё поняла: оловянные солдатики – это мы! Ты, мама, я, Петрушка, тётя Герда, Томас, все остальные, кто плывёт с нами...

– Верно! – поддержал сестру Петька. – Стойкие и непобедимые оловянные солдатики! Мы всё выдержим, не утонем в море, не сгорим в огне, обязательно победим и вернём нашего Шурика!

«Понятное дело, это Томас Лаудруп, бывший на берегу при оглашении царского Указа, и со всеми остальными детьми поделился информацией», – невесело резюмировал внутренний голос. – «Эх, надо же было переговорить с ним! Впрочем, теперь уже поздно переживать, раньше надо было думать...».

– Хорошо, чтобы так всё и было, – вздохнула Герда, после чего уверенно добавила: – Так всё и будет! Потому, что детскими устами – говорит само Проведение...

К шведской эскадре, стоящей на якорях на траверсе стокгольмской гавани, «Король» и «Александр» подошли под зарифлёнными парусами уже на самом закате, когда на Балтийское море начал медленно опускаться плащ ночного тёмно-сиреневого сумрака. Корабли синхронно отдали якоря, и уже через пять-шесть минут после этого послушно замерли, остановившись между двумя шведскими фрегатами, чьи тёмные силуэты угадывались в отдалении.

На следующий день на борт «Короля» поднялся шведский офицер: толстый, вальяжный, с широченной сине-жёлтой треуголкой на голове, и в традиционных ярко-жёлтых ботфортах на ногах. Швед величественно прошествовал на капитанский мостик и, брезгливо выпятив вперёд нижнюю губу, громко поинтересовался причинами, заставившими два этих судна – под странными и неизвестными флагами – так близко подойти к славному городу Стокгольму, где ко всем иностранцам принято относиться крайне подозрительно.

В ответ на эту негостеприимную тираду Лаудруп низко и почтительно поклонился и протянул нелюбезному офицеру скромный, заранее развёрнутый пергаментный свиток. Швед быстро пробежал по тексту глазами, замер на несколько секунд, после чего громко сглотнул слюну и почтительно поинтересовался:

– Кто из вас, господа, является благородным сэром Александэром?

Егор, положив правую ладонь на золоченый эфес шпаги, молча сделал полшага вперёд, небрежно кивнул. Швед мгновенно сорвал с головы сине-жёлтую треуголку и, выставив вперёд правую ногу, принялся старательно подметать своим головным убором и без того чистую палубу «Короля». Только минуты через три-четыре он скромно поинтересовался – чем может служить высокородному и доблестному кавалеру, чьё благородное имя известно всей Швеции.

– Мы приплыли в гости к знаменитому и отважному королю Карлу, по его собственному приглашению! – важно известил Егор. – Во-первых, мы бы хотели незамедлительно войти в стокгольмскую гавань и отдать якоря у достойного причала. Во-вторых, – достал из-за обшлага рукава своего камзола небольшой светло-коричневый конверт, – необходимо срочно передать это моё послание шведскому государю.

Утром следующего дня, сразу после завтрака, у трапа «Короля» остановились две чёрные кареты с запряжёнными в них высокими и мосластыми лошадками. Рядом с повозками нетерпеливо приплясывали на месте злые чёрные кони десяти широкоплечих шведских драгун.

Из передней кареты на мостовую неуклюже, тощим задом вперёд, выбрался сутулый и седобородый господин, похожий на Дон Кихота – в исполнении великого русского актёра Черкасова.

– Сам благородный Ерик Шлиппенбах почтил нас своим вниманием! – торжественно объявил Егор, поднимаясь из-за раскладного стола. – Готовьтесь, милые мои барышни, этот пожилой господин ужасно и хронически говорлив, молчать не умеет совершенно. Как назло, он неплохо освоил и английский язык...

В этот раз старый шведский генерал был одет не в стальные серо-голубоватые и стильные латы, в которых он щеголял во время русского штурма Нотебурга, а в обычные чёрные одежды, отороченные местами тёмно-фиолетовыми кружевами. Тем не менее, он всё равно смотрелся ужасно солидно и благородно.

Неутомимый внутренний голос на этот раз Егора удивил по-настоящему, заявив: – «А ведь этот Ерик Шлиппенбах очень здорово похож на Координатора – из двадцать первого века! Мы с тобой, братец, генерала при штурме Нотебурга видели только в латах, с массивной кирасой на голове, тогда это сходство не бросалось в глаза. А сейчас, в штатском, совсем другое дело! Орлиный нос, тёмное морщинистое лицо, обрамлённое длинными седыми волосами, голубые всезнающие глаза. Если сбрить эту козлиную бородёнку, то и получится – вылитый Координатор! Может, генерал тоже трудится на службу SV? Типа – новый Аль-кашар? Будь осторожнее, братец...».

Оказавшись на борту «Короля», Ерик Шлиппенбах незамедлительно и планомерно атаковал Саньку и Гертруду, минут двадцать расточая длинные и цветастые комплименты, часть которых, впрочем, досталось и адмиралу Лаудрупу, узнавшему – не без толики удивления – о своих неисчислимых и замечательных достоинствах.

Покончив с этими старомодными церемониями, генерал важно известил Егора:

– Дорогой сэр Александэр, доблестный король Карл прислал за вами карету! Мой повелитель помнит о вас. Мало того, он осведомлён и о вашем рыцарском поступке – во время русского штурма крепости Нотебурга. Король хочет лично выразить вам свою благодарность.... Прошу, сэр Александэр, проследовать в карету! Кого вы можете взять с собой? Да, кого вам будет угодно, сэр! Наши кареты очень просторны, ибо мой король Карл, как это и положено настоящему рыцарю, очень гостеприимный и хлебосольный хозяин...

«Какой разговорчивый тип!», – хмуро отметил внутренний голос. – «И акцент у нашего генерала какой-то странный, шпионский...»

Перед отъездом Егор подарил Шлиппенбаху картину маслом – «Русские войска штурмуют шведскую крепость Нотебург», рисованную Сашенцией с его же слов. Генерал долго и восторженно ухал, безостановочно благодарил Саньку, неустанно любуясь при этом верхним правым углом картины, в котором он сам – в блестящих стальных латах, с развивающейся по ветру седой бородой – грозно размахивал длинной шпагой на полуразрушенных крепостных стенах.

Дождавшись, когда швед окончательно выдохнется, Егор вежливо спросил:

– Как вы думаете, генерал, если я подарю королю Карлу русскую рогатину – для медвежьей охоты – это будет прилично?

– Более чем! – горячо заверил его Шлиппенбах. – Просто отличный и замечательный подарок! Его величество будет в полном и бесконечном восторге...

– А нет ли у шведского короля сердечного увлечения? – вежливо поинтересовалась предусмотрительная Сашенция. – Я имею в виду особу женского пола, которую тоже будет прилично – презентовать скромным подарком?

– Есть, конечно же! – с непонятными интонациями в голосе и, странно блестя глазами, ответил старый генерал. – Что ей подарить? Не знаю, право! Уж такая нестандартная персона, взбалмошная, легкомысленная...

– Ничего страшного! – твёрдо заверила Санька. – Мы с Гердой Лаудруп и сами – штучки непростые. Подберём...

Егор, направляясь к каретам, нёс на своём правом плече медвежью рогатину. Знатная была вещица: сами «рога» стальные, а толстое дубовое древко было покрыто искусной резьбой. Эту рогатину Егору подарили крестьяне невской деревни Фроловщина на его генерал-губернаторские именины.

Он шёл по корабельным сходням и думал: – «Вообще-то, передаривать подарки – дело скользкое, как утверждает народная мудрость. Мол, очень плохая примета. Да ладно, авось, пронесёт...».

В первую карету уселись мужчины: Ерик Шлиппенбах, Егор, а также Людвиг и Томас Лаудрупы. Во второй карете следовали Санька и Луиза – в сопровождении всех детей, включая крошечную Лизу Бровкину. Пятёрка храбрых драгун размеренно трусила впереди карет, ещё пятеро замыкали колонну.

– Куда мы направляемся, генерал? – спросил Егор. – Разве, не в королевский дворец?

– Король с самого детства не любит своего дворца! – с нотками гордости в голосе ответил неисправимый романтик. – Он предпочитает заброшенные и неухоженные рыцарские замки, грубые охотничьи домики, походные биваки у жарких армейских костров.... Сейчас мы направляемся в знаменитый Кунгсерский лес,¹⁰ где выстроен неплохой бревенчатый замок.

Кунгсерский лес оказался великолепным столетним бором, в котором – между пышными белыми мхами – задумчиво шумели на ветру шикарные корабельные сосны. Над весёлым водопадом, с грохотом низвергающимся в глубокое ущелье, возвышался симпатичный бревенчатый дом, вернее, некое подобие рыцарского замка – с многочисленными башенками и бойницами.

---

¹⁰ – Кунгсерский лес – любимые охотничьи угодья Карла Двенадцатого.

Возле высокого крыльца замка выстроились в ряд просторные железные клетки, в которых угрожающе порывивали шестеро разномастных медвежат.

– Ой, мишки! – звонко закричала Катенька. – Папа, можно их погладить?

– Нельзя! – строго ответил Егор, на руках которого дремала маленькая Лиза Бровкина, утомившаяся в пути. – Зверь – всегда зверь, даже если он ещё и маленький. Руку откусит в одно мгновение, а ты даже и не заметишь.

– Ну, тогда и ладно! – покладисто согласилась дочка. – Обойдём мишек стороной...

Со стен столового зала замка на путешественников смотрели печальными стеклянными глазами головы благородных оленей, лосей, косуль и диких кабанов. В камине, не смотря на летнее время, лениво потрескивал яркий огонь, на многочисленных полках и полочках красовались искусно сработанные чучела самых разных птиц: гусей, лебедей, уток, аистов, глухарей, тетеревов...

– Красивые какие! – непосредственный Петька ловко залез на высокий табурет и принался с интересом ощупывать чучело большой полярной совы.

А Томас Лаудруп тут же бросился к дальней стене зала, густо увешанной разнообразным холодным и огнестрельным оружием, и вытащил из ножен, украшенных драгоценными камнями, кривую арабскую саблю, чей булатный клинок тускло отливала благородной синевой.

– Дети, прекратите немедленно! – рассерженной гусыней зашипела на английском языке Гертруда. – Мальчики из приличных семей так себя не ведут...

– Ведут, ведут! Ещё как – ведут! – насмешливо заверил всех ломкий юношеский басок, и из боковой двери показался король Карл – под ручку с ослепительной черноволосой красавицей, разодетой по последней парижской моде.

Шведский король за прошедшие годы – с момента памятной встречи на Митаве – почти не изменился. Всё тот же потрёпанный серо-зелёный кафтан, застёгнутый на все костяные пуговицы до самой шеи, которая была плотно обмотана белым широким шарфом. Ноги Карла были обуты в легендарные, ярко-жёлтые кожаные ботфорты.

А вот женщина, стоящая рядом с этим непрезентабельным юнцом, очень напоминавшим Егору царя Петра в юности, была просто восхитительна: стройная, высокая, с гордой, очень длинной белоснежной шеей, а глаза – тёмно-зелёные, с ярко выраженной развратинкой. Такие глаза способны свести с ума кого угодно, и принцев, и нищих...

«Роковая женщина, мать её растак!», – высказался высокоморальный внутренний голос. – «Я таким ненадёжным и опасным особам – головы бы сразу рубил, без суда и следствия! Ничего хорошего от них никогда не дождёшься: одни только неприятности, изощрённые каверзы и безжалостно разбитые мужские сердца...».

Прекрасную зелёноглазую госпожу звали – графиня Аврора Кенигсмарк, и об её неземной красоте и откровенно авантюрных наклонностях знала вся Европа, а глупые и романтически настроенные трубадуры – вроде старого Ерика Шлиппенбаха – даже слагали про графиню восторженные баллады.

Сашенция презентовала шведской графине русский летний сарафан, щедро расшитый разноцветными узорами и розовым речным жемчугом из северных вологодских и архангельских рек.

– О, какая чудная и необычная вещица! – воскликнула прекрасная Аврора, прикидывая сарафан к своим точёным белоснежным плечам и многозначительно поглядывая на Карла чуть затуманенным взором. – Мой любимый король, я думаю, что эта одежда будет просто незамечена в нашей спальне. Особенно если по подолу сделать парочку пикантных и глубоких разрез...

Егор непроизвольно усмехнулся, заметив, как смущённо покраснела Санька: сметливая графиня верно угадала одну из важнейших функций этой детали русского женского туалета. А вот шведскому королю не было никакого дела до всякой ерунды: он с увлечением, не обращая

на окружающих ни малейшего внимания, рассматривал подаренную ему русскую рогатину, взвешивая её в руке и с вожделением поглядывая на большое чучело бурого медведя, замершее в дальнем углу зала на задних лапах.

Наконец, Карл не выдержал и почтительно обратился к Егору:

– Сэр Александэр, не продемонстрируете ли, как надо правильно обращаться с этой хитрой шутовщиной? Я очень много слышал об этом русском способе охоты на медведей, но вот теперь несколько теряюсь.... В чём тут смысл? Ну, не метать же в медведя эту рогатину?

– С удовольствием объясню, государь! – ответил Егор и, забрав из рук короля рогатину, неторопливо подошёл к чучелу медведя.

Он пристроил на своём животе торец древка рогатины, приставил «рога» к груди чучела и приступил к подробным объяснениям, послушать которые тут же захотели все персоны, находящиеся в столовом зале замка:

– Зимой, как всем вам известно, господа и дамы, медведи крепко спят в своих берлогах. Первым делом надо отыскать такую берлогу и – при помощи длинных палок – выгнать зверя наружу. Медведь при этом впадает в сильнейшую ярость и от этого сразу же встаёт на дыбы, ну, как вот это чучело...

– Страшный такой! – скорчила испуганную гримаску маленькая Лиза Бровкина.

– Ерунда! – успокоил двоюродную сестрёнку Петька. – Вона, у моего папеньки рогатина какая, большая и надёжная!

Откашлявшись, Егор продолжил:

– Итак, медведь выбрался на свежий воздух и встал на задние лапы.... В этот момент охотник должен вот так упереть древко рогатины, а её острые «рога» воткнуть зверю в грудь. При этом надо, чтобы за спиной храброго охотника находилась надёжная опора: толстый ствол дерева, например, или просто – вертикальная скала. Ну, в общем, и всё...

– Как – всё? – не понял Карл. – А кто же убивает медведя?

– Никто его не убивает, – терпеливо объяснил Егор. – Он сам умирает – от потери крови. Охотник, опираясь спиной о скалу, держит зверя на своей рогатине. Медведь, ничего не понимая, пытается достать человека и напирает вперёд, всё глубже и глубже нанизываясь на острые «рога».... Вот, через час-другой зверь и погибает – от потери крови...

– Очень мужественно – так долго держать разъярённого зверя на этой русской рогатине, неотрывно глядя при этом в его дикие и страшные глаза! – восторженно заявила прекрасная графиня Кенигсмарк. – Наверняка, при этом испытываешь совершенно невероятные ощущения...

«Вот-вот, а я что говорил?», – недовольно заныл дальновидный внутренний голос. – «Ничего хорошего не стоит ждать от этих роковых красоток, они только провоцировать большие мастерицы – на всякие вредные глупости.... Головы им рубить, не ведая жалости! И все дела...».

Шведский король задумался на минутку-другую, после чего разродился чередой заинтересованных вопросов:

– Можно ли летом ходить на медведя с рогатиной? Бывает ли, что погибает сам охотник? Принято ли в России, чтобы охотника страховали его друзья, оснащённые надёжными ружьями?

«Будь осторожней со словами, братец!», – заботливо посоветовал осторожный внутренний голос. – «Очень похоже, что наш шведский шалопай всерьёз заинтересовался этим опасным мероприятием. Как бы не приключилось беды...».

Егор надел на физиономию маску озабоченности и, обеспокоено покачивая головой, начал отвечать, дисциплинированно учитывая очередность прозвучавших вопросов:

– Летом, ваше величество, охотиться с рогатиной на медведя невозможно. Как заставить зверя встать на дыбы? Далее, охотники тоже иногда погибают. Медведи, они же очень

тяжёлые, древко рогатины иногда не выдерживает и ломается.... Подстраховка с ружьями? Конечно же, это надо делать в обязательном порядке: и рука у охотника может дрогнуть, да и нога неожиданно поехать, поскользнувшись.... Только полностью сумасшедшие отказываются от страховки. Они, в основном, и погибают...

– Что ж, я всё понял, спасибо! – неопределённо пожал узкими плечами шведский король, нежно проведя ладонью по дубовому древку рогатины, заметил вскользь: – Как медведя заставить летом встать на задние лапы? Тут надо подумать.... У меня в специальной, очень просторной яме содержится на цепи матёрый косолапый. Если, допустим, десять гренадёр возьмутся за цепь, обмотанную наверху вокруг большого валуна, и сильно потянут за неё? Потянут, отпустят, снова потянут? А? Так ведь можно запросто заставить медведя встать на дыбы.... Впрочем, это будет не по-честному. Совершенно не по-рыцарски.... Ладно, придётся, всё же, подождать до зимы. Но зимой, сэр Александэр, я обязательно воспользуюсь вашим чудным подарком. Обязательно! Честью клянусь!

Карл Двенадцатый был насквозь прагматичным молодым человеком. Слегка грубоватым, консервативным, полностью чуждым сентиментальности и не имеющим никакого представления о хороших манерах и условностях, принятых в высшем европейском обществе.

Поэтому сразу после краткой процедуры взаимных представлений и лекции об особенностях национальной русской охоты на медведей, шведский король перешёл к делу, заявив:

– Сэр Александэр! Я рад видеть вас лично, членов вашей семьи и ваших благородных друзей. Ну, и всё такое.... Только вот со временем у меня туго: вечером с приятелями выезжаю охотиться на благородных оленей. Задумчивый вечерний закат, нежный утренний рассвет, мускулистые и величественные красавцы-рогачи.... Вы меня, надеюсь, понимаете? Просто отлично! Так вот, до обеда остаётся ещё порядка двух часов, и мы успеем подробно поговорить о делах. Тем более что я не люблю – во время трапезы – обсуждать серьёзные вещи. Да и к разносолам и прочим экзотическим блюдам я полностью равнодушен. На войне питаюсь только свежими овощами, запивая их чистой ключевой водой. А на охоте могу предложить гостям только мясо дичи, убитой мной, запечённое и зажаренное над огнём и углями, да крепкое шведское пиво. Настоящему воину всякие утончённые излишества совершенно ни к чему.... На чём я, простите, остановился? Ах, да! Вы же, сэр Александэр, не станете меня уверять, что прибыли в Стокгольм только ради праздного любопытства? Тут мне доложили, что на мачтах ваших кораблей подняты отнюдь не русские официальные флаги, а это понимающему человеку говорит о многом.... Кстати, кто придумал такие замечательные знамёна? Я имею в виду этих симпатичных, золотоглазых чёрных кошек?

– Моя жена, княгиня Александра Меншикова! – ответил Егор и тут же поправился. – То есть, уже бывшая княгиня....

– Полноте, бывших князей и княгинь не бывает! – Карл склонился в почтительном полупоклоне перед Санькой. – Отнять княжеское достоинство, я имею в виду настоящее, природное княжеское достоинство, не по силам никому.... Княгиня, примите мои уверения – в самом искреннем почтении! – тут же позабыл о Саньке и продолжил свой прерванный разговор с Егором: – Предлагаю разделить на две группы. Женщины и дети останутся в доме – в обществе моей прекрасной и взбалмошной Авроры. Здесь много забавных и интересных игрушек: ножи, сабли, пистолеты, мушкеты, чучела.... Кроме того, в дальней комнате стоят клетки со всякой разностью: ужи, шустрый хорёк, барсучата, лисята, щеглы, скворцы, старенький филин. Короче говоря, детям в замке будет весело.... А дамы будут заняты умными разговорами о последних веяниях моды, моя Аврора расскажет вашим спутницам свежие и пикантные сплетни из жизни европейских королевских дворов.... Мы же, мужчины, немного прогуляемся по свежему воздуху, поболтаем о серьёзных мужских делах. Вы не против, господа?

– Государь, извините меня! – неожиданно вмешался в беседу Томас Лаудруп, так и не выпустивший из своих рук кривую арабскую саблю. – Но к какой из этих двух групп отношусь я? Мне – буквально на днях – уже исполняется тринадцать лет...

– Тринадцать лет? – рассеянно переспросил шведский король. – Это очень солидный возраст! В тринадцать лет я уже убил своего десятого медведя.... Тебя ведь Томасом зовут? Ты, Томас, безусловно, являешься настоящим мужчиной и можешь пойти вместе с нами. Кстати, эту саблю дамасской стали можешь забрать себе. Дарю! Только смотри, не порежься! А то у твоей матушки, мадам Гертруды, такие глаза.... Боюсь, что она большая и очень умелая мастерица – устраивать славные головомойки...

Отойдя от бревенчатого замка километра на полтора, они вышли на овальную полянку, поросшую белым мхом. На середине поляны располагался прямоугольный, грубо сколоченный стол, по периметру которого были расставлены такие же грубо сколоченные скамейки и табуреты.

– Добро пожаловать, друзья, в мой лесной кабинет! – вежливо махнул левой рукой Карл, опираясь правой на дарёную медвежью рогатину, которую он зачем-то прихватил с собой. – За этим столом мною было подписано множество важных бумаг. Например, о переустройстве работы шведского Сената, об объявлении войны Дании.... Давайте, сэр Александэр, рассказывайте о вашем деле, не стесняйтесь!

Егор начал излагать свою просьбу, стараясь выражаться осторожно и обтекаемо:

– Да, государь, я впал в немилость у царя Петра и теперь вынужден странствовать по миру под собственным флагом. Так уж получилось...

– Надеюсь, что эта ваша немилость, сэр Александэр, не связана с нарушением кодекса рыцарской чести? – тут же хмуро поинтересовался Ерик Шлиппенбах, взволнованно поглаживая свою длинную седую бороду.

– Могу поклясться господом Богом нашим, что моя честь не запятнана!

– Даже наоборот! – неожиданно заявил юный Томас Лаудруп. – Сэр Александэр защищал честь своей благородной супруги...

– Ни слова больше! – повысил голос Егор. – Некоторые вещи не предназначены для широкого оповещения! Тем более что у царя Петра остался в заложниках мой младший сын, Александэр...

– Вот даже как! – задумчиво прищурился шведский король. – Тогда мы с генералом Шлиппенбахом поумерим своё любопытство.... Излагайте просто и доходчиво, уважаемый сэр Александэр, чем мы можем вам помочь. В разумных пределах, естественно.

– Для того чтобы мне вернули сына, я должен внести в царскую казну сто пудов чистого золота, – сообщил Егор. – Поэтому я – вместе со своими родственниками и верными друзьями – следую в дальние восточные земли, богатые золотиносным песком. Вот, собственно, и всё, если коротко. Но путь предстоит очень дальний, нам нужны дополнительные корабли. И для возможных сражений с коварными морскими разбойниками, и для перевозки всех тяжёлых грузов, которые будут нам необходимы в дальнейшем.

– Восточные земли? – уточнил Карл. – Извините, любезный сэр Александэр, но я несилен в географии. Вы сейчас говорите об Индии?

– Не совсем. Конечная точка нашего маршрута лежит несколько восточнее и севернее...

– Хватит, хватит! – невесело усмехнулся Карл. – Будьте так добры, не морочьте мне голову! Все эти сказки про то, что наша Земля круглая, а если плыть на запад, то непременно приплывёшь в восточные земли.... Избавьте меня от этих заумностей! Главное я понял: эти земли находятся так далеко, что не могут интересовать Швецию в качестве колоний. В отличие от России.... Итак, сколько надёжных морских посудин вам требуется?

– Нам будет достаточно двух новых многопущечных кораблей, – скромно потупившись, известил Егор. – Понятное дело, что полностью укомплектованных опытными командами, с

необходимыми продовольственными и огневыми припасами. Ещё нужны надёжные кирки и лопаты, топоры и пилы, бронзовые и железные гвозди, походные кузны, тёплая зимняя одежда, оконные стёкла. . . . В России мы были вынуждены собираться в спешке и многих важных вещей не захватили с собой. . . .

– Не загружайте, ради Бога, меня ненужными подробностями! Что за оказанную помощь получит шведская корона?

– Золото, государь! Сто пудов отходит царю Петру. Всё, что удастся добыть сверху, я предлагаю разделить на три равные части: треть мне и моим людям, другая – тем, кто будет плыть на двух шведских судах, остальное – в вашу казну. . . .

– Не в мою, а в государственную! – гордо вскинув голову вверх, педантично уточнил Карл, а после короткого раздумья оповестил: – Так не пойдёт! Всю добычу необходимо делить на две части: на шведскую и русскую. Сколько вы, сэр Александер, отдадите золота царю Петру – ваше дело! А сколько я позволю забрать своим подданным – дело моё! Согласны?

– Согласен.

Карл вопросительно посмотрел на Ерика Шлиппенбаха.

– Я буду безмерно счастлив, государь, если вы разрешите мне сопровождать доблестного сэра Александэра в этой славной эскападе! – вскочив со своего места и взволнованно прижав ладони рук к груди, заверил старый генерал.

– Не только сопровождать, но и следить, чтобы добытое золото делилось согласно достигнутой договорённости! Что думаешь по кораблям?

– Предлагаю задействовать 64-х пушечный фрегат «Орёл», и 22-х пушечную бригадину «Крестину»!

– А почему – не два фрегата?

– «Крестина» очень быстроходна, государь! – объяснил Шлиппенбах. – В таких опасных делах скорость иногда бывает важнее огневой мощи! Опять же, на этих судах шкиперами ходят мои родные племянники – Фруде и Ганс.

«Только этого нам не хватало!», – запаниковал нервный внутренний голос. – «Вместо одного потенциального агента службы «SV» у нас их теперь будет целых три! А что, вполне логично: Аль-кашар в одиночку с заданием не справился, вот на этот раз служба и решила послать в Прошлое сразу трёх сотрудников. . . .».

После двухминутного раздумья Карл велел:

– Пергамент, перо и чернила! Томас, будь так добр, поддержи эту русскую рогатину. . . .

Шлиппенбах торопливо раскрыл чёрную кожаную сумку, висевшую на его плече, сноровисто разместил на столе перед королём всё просимое.

Карл писал торопливо, щедро разбрызгивая во все стороны чернильные брызги, высунув от усердия на сторону розовый язык. Закончив, он ещё раз перечёл написанный текст и размашисто подписал.

– Я – человек слова! – пафосно заявил шведский король. – Более того, я ещё и щедр – по отношению к людям, которые мне нравятся. Поэтому все эти лопаты, топоры и прочее, необходимое для вашей экспедиции за золотом, будут оплачены за счёт шведской казны. Ещё добавлю от себя истинную карту Магелланова пролива, она вам пригодится в пути, а то Европа наводнена подделками. . . . Кстати, сэр Александер, вы уверены, что царь Пётр не играет с вами – как кот с мышью? Будьте осторожнее. Бешеное золото – вещь крайне опасная, предполагающая неожиданные и не всегда приятные сюрпризы. . . .

Глава четвёртая

Смерть под парусом

Известие о том, что шведы из врагов неожиданно превратились в союзников, вызвало у русских соратников определённое недоумение: ведь война России со Швецией была в самом разгаре. Пришлось Егору даже прочитать небольшую лекцию, мол: – «Война – это война, а благородная эскапада, соответственно, благородная эскапада. И путать эти понятия никогда не стоит, потому как у них совершенно разные цели и задачи...».

Как бы там ни было, но на погрузочных работах команды всех четырёх судов, стоящих у причала рядом, трудились дружно, никаких межнациональных конфликтов не наблюдалось.

Из Стокгольма они вышли только через неделю. Ничего не поделаешь, дел всяких навалилось – выше шпиля шведского королевского дворца. Загружали в корабельные трюмы надёжный шанцевый инструмент, зимнюю одежду, охотничьи ружья, капканы на диких зверей, пустые бочки для засолки рыбы и мяса, собственно – соль, гвозди и скобы, пилы и топоры, полосы железа и походные кузницы, надежные свёрла и всевозможные рыболовные снасти....

На борт «Орла», не считая корабельной команды, взойшло пятнадцать широкоплечих шведских гренадёр под командой бравого длинноусого капитана. В качестве своего полномочного представителя Егор определил на этот фрегат Фрола Иванова. А команда «Кристины» была усилена Ериком Шлиппенбахом, десятком опытных и рослых охотников из северного фамильного поместья генерала, а также Ильёй Солевым.

По Илье Егор рассудил так: «Нечего ему делать на «Короле»! Всё время трётся около Наоми, и сам ничего не делает и девчонку отвлекает...».

Последняя остановка на европейском берегу была произведена в португальском порту Синише. Это Людвиг Лаудруп посоветовал, мол: – «В Португалии всё дешевле на порядок, да и фрукты-овощи отменные...».

Тёмно-жёлтые островерхие скалы, между которыми злобно скалились светло-жёлтые несимпатичные волны.... Да, войти в бухту Синиша оказалось далеко не самым простым и приятным делом. Ладно, всё же вошли, спрятались за высоким каменным молом, надёжно заякорились, перебросили на причал сходни, сошли на берег.

Путешественники, свободные от срочных дел, решили немного прогуляться по твёрдой суше. Как же иначе? Через день-другой предстояло отправиться в бурные просторы Атлантического океана, и было совершенно неизвестно, где эскадра сделает следующую остановку.

Лаудруп так высказывался по этому вопросу:

– Из информации, почерпанной мной в Стокгольме, ясно, что Азорские и Канарские острова, а также острова Зелёного Мыса нам придётся обойти стороной. На всех этих архипелагах сейчас размещены опорные базы алжирских и марокканских пиратов. А с этими ребятами шутки плохи, даже моё личное знакомство с Медзоморт-пашой может не помочь. Поэтому от Португалии мы пойдём строго на запад, оставляя Азорские острова гораздо южнее. И только потом, миль через двести пятьдесят как минуем эти острова, возьмём курс на юго-запад. Дальше? Если не случится незапланированных неприятностей, то спокойно дойдём до южно-американского берега и встанем на якоря – для пополнения запасов продовольствия и питьевой воды – возле одного милого португальского поселения.

Егор с супругой, оставив детей на попечение Николая Савича, наняли двуколку и отправились кататься по городу.

– Красота-то какая! – вертела Санька головой во все стороны. – Древность настоящая!

По обеим сторонам дороги мелькали виллы, хижины, узкие и мрачные улочки. На далёких зелёных холмах возвышались полуразвалившиеся замки, окружённые тысячетлетними

пробковыми дубами. А ещё – везде и всюду – красовались бронзовые памятники, позеленевшие под натиском беспощадного времени...

Возница, немного говорящий по-английски, заметив заинтересованность седоков, так и сыпал знакомыми и полужнакомыми именами: Христофор Колумб, Магеллан, Америго Веспуччи, Себастьян дель Коно, Педро Альварес Кабрал.... По словам добровольного экскурсовода получалось, что все эти великие и знаменитые мореплаватели, только посетив благословенный Синиш, окончательно определились с планами дальнейших путешествий. Именно здесь они рисовали свои рабочие карты и мечтали о будущей всемирной славе, которая, впрочем, досталась далеко и не всем...

Часа через полтора, объехав городок вдоль и поперёк, двуколка повернула назад. По набережной Синиша, выложенной грубым булыжником и обсаженной по обеим сторонам ровными рядами какого-то низкорослого кустарника, прогуливалась Илья Солев и Наоми, одетая в классическое японское кимоно. Молодые люди шли очень медленно, и причиной тому была именно девушка: её шаги были очень короткими, и каждый из них сопровождался громким стуком – от соприкосновения деревянных подошв неуклюжих сандалий о неровные камни мостовой. В руках молоденькая японка держала элегантный, слегка подрагивающий веер.

«Какая-то нетипичная японка – эта Наоми!», – подумал Егор, который в двадцать первом веке вдоволь насмотрелся на японцев. – «Высокая, длинноногая, фигуристая...».

– Кажется, они ругаются, – удивлённо зашептала Санька. – Надо же, мне казалось, что моя Наоми-сан и комара не обидит...

Действительно, японка что-то строго и возмущённо выговаривала смущённому Солеву. Двуколку отделяло от ссорящейся парочки около пятидесяти-шестидесяти метров. Но даже с такого расстояния было видно, как гневно поблёскивали миндалевидные глаза Наоми. Потом Санька уверяла, что даже заметила, как из глаз японки вылетали ультрамариновые искры...

Неожиданно из маленького светло-серого облака, с самого утра одиноко висевшего в ярко-голубом небе над городом, закапали крупные, ленивые и очень тёплые дождевые капли.

– Грибной дождик! – обрадовался Егор.

– Байу! – непонятно высказалась Санька.

– Что ты сказала?

– Сливовый дождь! – пояснила жена. – Так его Наоми называет. Он идёт в Японии ранней весной, когда зацветает дикая слива...

Вечером следующего дня, когда на корабли эскадры были загружены запасы продовольствия и свежей воды, Лаудруп попросил всех офицеров экспедиции собраться в ближайшем кабачке на последнее – перед долгим плаванием – совещание.

Трактирщику были заплачены отдельные деньги за конфиденциальность, поэтому в единственном зале кабачка не было других посетителей.

После завершения короткой трапезы, когда со стола была убрана вся грязная посуда, Людвиг расстелил на освободившемся пространстве несколько морских карт и начал давать нудные и подробные объяснения – касательно предстоящего маршрута. Различные течения, розы ветров, мели и впадины, острова – опасные и желанные.... Егор толком почти ничего не запомнил из этого длинного рассказа, предназначенного для профессиональных моряков.

Единственное, что намертво врезалось в его память, так это наставления Лаудрупа относительно мест, запланированных для общего сбора – на случай, если кто-то вдруг случайно потеряется или отстанет во время плавания.

– Днём будем идти единой и неделимой колонной, не выпуская друг друга из вида, – вещал Людвиг, напустив на себя непривычно строгий вид. – Но ведь ещё есть и ночь.... А если на закате задует сильный и устойчивый ветер? Ночи в тропиках очень тёмные. Пришёл рассвет, а кого-то и нет в прямой видимости. Или этот кто-то отстал, или, наоборот, ушёл далеко вперёд.... А ветер всё усиливается и не меняет направления, более того, переходит в сильный

шторм.... Что делать в этом случае? На такой неприятный расклад назначаю пункт для общего сбора, с учётом того, что в это время года в Атлантике дуют только сильные северные и северо-восточные ветра.... Итак, все смотрите сюда! Южно-американское побережье, очень удобная и глубокая бухта, скрытая от всех ветров, на её берегу находится крохотное португальское поселение Маракайбо. Отличная стоянка, а, главное, пираты эти места не посещают, их стационарные поселения находятся гораздо севернее...

После окончания совещания, когда все уже покинули трактир, Емельян Тихий отвёл Егора в сторону и поделился интересной информацией:

– Сэр командор, тут ерунда какая-то! Понимаете, и я, и матросы с «Александра», мы так и ходим в русской форме. Вышел я вчера в город, зашёл в местный кабачок, посидел немного. Перекусил, попробовал португальского портвейна. Ничего себе пойло, подходящее...

– Емеля, время уже позднее! – напомнил шкиперу Егор.

– Извините, не буду отвлекаться! Так вот, мне португальский халдей и рассказал одну странную историю. Мол, неделю назад в Синиш заходил трёхмачтовый фрегат под голландским флагом, голландской же постройки – халдей в этом разбирается. Так вот, на борту этого фрегата находился человек, одетый как я. Камзол такой же, треуголка, белый шарф.... Как такое может быть, Александр Данилович?

– Не знаю, – честно признался Егор, а про себя подумал: – «Да, похоже, прав был шведский Карлус. Бешеное золото, оно предполагает всяческие сюрпризы и головоломки...».

На рассвете эскадра, пользуясь устойчивым северо-восточным ветром, покинула гостеприимный порт Синиша. Тёмно-жёлтые островерхие скалы, между которыми злобно скалились светло-жёлтые волны, наконец, остались позади. Впереди – до самого горизонта – простиралась серо-зелёная рябь Атлантики, местами украшенная крохотными белыми барашками.

Шли день, ночь, а утром ветер внезапно стих, и на океанскую сцену задумчиво вышел новый актёр – полный штиль, обещающий нестерпимую дневную жару. Суда, находясь в прямой видимости друг от друга, тихонько дрейфовали на север, подчиняясь воле океанического течения. Егор сидел на бухте каната, прислонившись спиной к грот-мачте, и, от нечего делать, подставлял лицо солнечным лучам.

– Саша! – послышался рядом голос жены. – На бригантине подняли сигнал, что имеют на борту тяжелобольного, просят о срочной помощи. Я, наверное, сплаваю туда на шлюпке, посмотрю, что да как? У меня и лекарства имеются с собой...

Егор подумал немного, да и отправился на «Крестину» вместе с женой. Он ещё ни разу не поднимался на борт бригантин, интересно было: а почему это, собственно, она такая ходкая?

На борту «Крестины» их встретил Ерик Шлиппенбах – полномочный заместитель Егора в этой экспедиции, и племянник генерала Фруде Шлиппенбах – капитан бригантин. Вежливо поздоровавшись со шведами, Егор первым делом поинтересовался:

– Кто это у вас захворал, господа? И в каком состоянии находится заболевший?

– Полковник Илья Солев, – сообщил генерал. – Он ещё в португальском Синише, когда взошёл на борт, плохо себя почувствовал, мол, слабость, голова кружится. А сейчас у него жар, мечется в бреду. Белые лошади, на которых восседают совершенно голые, рыжеволосые девушки, летающие по небу корабли....

– Срочно проводите меня к больному! – прервала этот увлекательный рассказ Санька, в руках которой находился кожаный саквояж с лекарствами, и распорядилась – голосом, не терпящим возражений: – Генерал, не будем терять времени! Ведите!

– Слушаюсь! – шутиливо вытянулся в струнку Ерик Шлиппенбах. – Почту за честь – лично сопровождать вас, Светлейшая княгиня! Позвольте – ваш саквояж...

Егор решил не мешать жене в её медицинских делах и завёл с племянником генерала разговор на английском языке:

– Не расскажите ли мне, любезный Фруде, о своей бригантине? От чего она так быстроходна?

– С огромным и искренним удовольствием! – суровое, словно бы высеченное из гранитной скалы лицо шведа расплылось в широкой улыбке. – Пройдёмте, сэр командор! Я буду вам не только рассказывать, но и показывать...

Они, не торопясь, шли вдоль правого борта, обходя артиллерийские ячейки, и шкипер Шлиппенбах, вдруг став очень разговорчивым, восторженно вещал, размахивая во все стороны руками:

– Моя «Кристина» может одновременно брать на борт до сорока пяти тонн разного груза. Длинная она у меня – сто пятнадцать футов,¹¹ а шириной – всего-то двадцать семь. Имеется, как вы видите, всего две мачты: грот-стенга и фок-мачта. Но для бригантин и двух мачт вполне достаточно: иначе она может ненароком и в небо улететь. Шутка, конечно.... В чём главная особенность моей красавицы? Конечно же, в её подводной, невидимой нам части. А именно, в очень тяжёлом фальшкиле, сработанном из первосортной шведской стали. Только благодаря этому хитрому приспособлению «Кристина» так неправдоподобно устойчива. Что, в свою очередь, позволяет ей даже в очень сильный ветер нести много парусов. Поэтому и обе мачты такие высокие, они поднимаются над палубой на добрые сто футов...

Минут через пять Фруде неожиданно прервал свой увлекательный рассказ, внимательно огляделся по сторонам, задумчиво и неуверенно потрогал свои короткие пшенично-рыжеватые усики, и обеспокоено объявил:

– Господин командор, похоже, приближается сильный шторм!

Погода определённо начала меняться, причём, не в самую лучшую сторону. Восточная четверть неба неожиданно наморщилась светло-серыми перьевыми облаками, за ними – на самом горизонте – появились иссиня-черные бока грозowych туч. Ветра по-прежнему не было, но стало как-то очень уж тихо, а в воздухе поселилась тоненько попискивающая тревога...

– Что же это? Откуда взялась такая духота? – Егор торопливо провёл рукой по лицу, смахивая крупные капли холодного пота, которых ещё минуту назад не было и в помине, тронул за рукав капитана «Кристины»: – Фруде, срочно проводите меня в каюту полковника Солева!

У лестницы, ведущей во внутренние помещения бригантин, нервно покуривал свою фарфоровую трубку Ерик Шлиппенбах:

– Княгиня Александра говорит, что дела у полковника совсем плохи...

«И курительную трубку генерал держит не по-здешнему!», – продолжал упорствовать в своих подозрениях внутренний голос. – «Так товарищ Сталин – в художественных фильмах двадцатого века – её держал. Подозрительный тип – этот Ерик Шлиппенбах, так его растак...».

Егор, следуя подробным указаниям генерала, спустился по лестнице вниз, по узкому коридору прошёл направо, предварительно постучавшись, приоткрыл низенькую дверь и вошёл внутрь. В нос тут же ударил неприятный и тяжёлый аромат армейского госпиталя: пахло спёкшейся кровью, настоявшимся гноем и полной безысходностью.

В тесной каюте стояла узкая койка, привинченная к палубе, крохотный столик и два табурета. На бронзовом крюке, вбитом в деревянную стену, висел масляный светильник, разбрасывая вокруг себя тусклый, серо-жёлтый свет.

На кровати, чуть слышно постанывая, лежал Илья Солев. Его черноволосая голова безвольно моталась из стороны в сторону, глаза были плотно закрыты, восково-белое лицо, покрытое мелким бисером пота, несимпатично перекошилось на сторону – в волчьем оскале. По подбородку больного стекала тоненькая струйка крови – вперемешку с жёлтыми сгустками гноя.

¹¹ – фут (англ.) – мера длины, один фут равен примерно 0,305 метра.

Санька сидела на низком табурете и аккуратно капала из пузатой склянки в кружку с водой какую-то вязкую, светло-зелёную жидкость. Покончив с этим важным делом, она подняла на Егора свои огромные, небесно-голубые глаза и тихо проговорила:

– Похоже, Илье уже ничем не помочь. Умирает. Как в таких случаях говорил покойный доктор Карл Жабо: – «Кровь заржавела и понемногу закипает». Странно это всё. Такое впечатление, что полковник гниёт изнутри...

– Сашенька! – ласково позвал Егор. – Шторм надвигается, надо успеть до его начала вернуться на наш корабль...

– Как это – вернуться? – непонимающе нахмурилась Санька. – Ты что же, предлагаешь – бросить здесь умирающего Илью? Как тебе не стыдно предлагать мне такое?! Вот уж, не ожидала! Я ещё, называется, командор...

– Там, на «Короле», остались наши с тобой дети. Ты не забыла, часом, про это?

– Дети? – лицо жены стало растерянным и испуганным. – Петенька и Катя! Как я могла запомнить? Но ведь – Илья умирает.... Может, ты уплывёшь к близняшкам, а я останусь здесь? Нет! – сама же и ужаснулась собственному предложению. – Нет, так тоже нельзя! Что же нам делать, Саша? Что – делать?

Ответить что-либо Егор уже не успел: страшный удар бросил его прямо на койку, где лежал умирающий Солев. Впрочем, в каюте попадало всё и вся: Санька, табуреты, склянки с лекарствами, стоящие на столе. Даже масляный светильник сорвался со стены и упал на кровать рядом с Егором. Ещё через две-три секунды тесное помещение каюты начало заполняться едким дымом: это мгновенно вспыхнула льняная простынка, выполнявшая функции больничного полотенца – для обтирания потного лба больного...

«Вот и дождались: с неожиданного удара шквалистого ветра начался обещанный шторм!», – подумал Егор, набрасывая на пламя первое, что подвернулось под руку. А именно, кафтан Солева, которым полковник и был укрыт. Огонь, естественно, тут же потух, но потух и масляный светильник, в каюте стало темно – хоть глаз выколи.

Преодолевая сильную качку, Егор с трудом добрался до двери, распахнул её до упора, вставил специальный крючок в скобу, вбитую в стенку коридора именно на случай сильного шторма, чтобы дверь не мотало из стороны в сторону. В помещении стало гораздо светлее.

«Это, братец, временно. Просто ещё не успели прикрыть палубный люк», – тут же подсказал заботливый внутренний голос. – «Раз пришёл шторм, значит, и люк скоро закроют. Надо срочно разобраться со светильником...».

Стараясь не мешать жене, он взял в руки потухший масляный фонарь, с помощью кресла снова зажёл крохотный огонёк на кончике фитиля, бережливо прикрыл оранжево-жёлтый язычок пламени стеклянным колпаком и накинуд дужку светильника на бронзовый крюк.

– А он не свалится снова? – обеспокоено прокричала Санька, пристёгивая безвольное тело полковника к койке специальными кожаными ремнями.

Егор вытащил из-за пояса пистолет, ловко разрядил, и, взявшись за ствол, двумя сильными ударами дополнительно загнул кончик крюка. После этого он соскочил на пол каюты, обхватил жену за плечи и, приблизив свои губы к её уху, сообщил:

– Саня, я наверх! Узнаю, что там и вернусь...

– Иди! – нетерпеливо отмахнулась Санька, лихорадочно пытаясь нащупать пульс на запястье Солева.

На палубе бригантины творилось нечто невообразимое. Буквально со всех сторон страшно и безостановочно выло, гремело и ухало. Ветер крепко – на добрые шесть-семь секунд – прижал его тело к палубе, которая была очень мокрой и скользкой от многочисленных веев морской воды, регулярно перелетавших через корму. Наверху, как показалось над самой головой, сверкнула яркая, бело-жёлтая молния, ещё через пять-шесть секунд по ушам больно ударил неожиданно-громкий раскат грома.

Ветер решил коварно переменить тактику: он неожиданно приподнял человеческое тело над палубой и сильно бросил его вперёд...

Егор, влекомый вперёд взбесившимся воздушным потоком, смог остановиться, только крепко обхватив обеими руками мачту, в ту же секунду почувствовав, что рядом с ним мачту обнимают ещё чьи-то сильные руки.

– Это я, Фруде Шлиппенбах! – прокричал ему в ухо невидимый сосед. – У штурвала стоять совершенно невозможно, сдувает.... Пришлось его заклинить намертво.... Теперь идём прямо по ветру.... Больше ничего сделать нельзя.... Такой сильный шторм.... Настоящий тропический ураган...

Где-то рядом прозвучал резкий хлопок, словно бы какой-то неведомый великан выстрелил из своего великанского пистолета.

– Бом-кливер разорвало! – пояснил капитан «Кристины». – Он был последним.... До этого уже лопнули все стакселя и топселя.... Хорошо ещё, что мы захватили с собой комплект запасных парусов...

– Что с остальными кораблями? – перекрикивая вой ветра, спросил Егор, задирая голову вверх: там, в обрывках различных снастей и канатов, бешено приплясывали на ветру только какие-то жалкие лохмотья и длинные светлые ленты, бывшие когда-то надёжными корабельными парусами. Только фамильный флаг князей Меншиковых – с чёрной златоглазой кошкой на розово-алом фоне – продолжал гордо реять, надменно презирая все ураганы этого бренного и безумного мира...

– Не знаю..., – честно ответил Фруде. – К корме не пробиться.... Но, думаю, все они давно уже отстали.... Только многометровые волны – за кормой...

Ветер не стихал ни на минуту, «Кристина», мелко дрожа всем корпусом, неудержимо неслась вперёд. Куда? По словам Фруде получалось, что большей частью на запад, но иногда, когда ветер ненадолго менялся, то и на юго-запад.

Изредка бригантина, подпрыгивая на волнах, отрывалась своим днищем от водной поверхности. Тогда в животе – на краткий миг – ощущался ледяной холод, а в голове поселялись серьёзные сомнения: – «Вдруг, шведский шкипер тогда вовсе и не шутил, и этот корабль действительно умеет летать?».

Время текло вязко и медленно, как хмельная блевотина по стене деревянной избы – в очень морозную и безветренную погоду. День, ночь, день, ночь...

Илья Солев умер ещё в самом начале урагана, видимо сильно ударившись головой об угол стены – после первого же серьёзного порыва ветра. Так что тогда Санька пристёгивала кожаными ремнями к койке уже безнадёжного мертвеца. Он там, на корабельной койке и оставался, пристёгнутый ремнями. Во время такого сильнейшего природного катаклизма даже сбросить за борт мёртвое тело не представлялось возможным...

Санька, Санечка, Сашенька, Сашенция.... Смотреть на неё было откровенно страшно: от нервных переживаний она сильно похудела, подурнела, огромные глаза потухли и ввалились, даже волосы – раньше густые и пышные – как-то сразу потускнели, свалившись в несимпатичные старушечьи лохмы...

Егор, тихонько скрипя зубами, безвольно наблюдал, как его жена, сидя на полу в дальнем углу кают-компания, часами раскачивается из стороны в сторону, повторяя – как безнадёжно заезженная грампластинка – одно и то же:

– Петенька, Катенька, где же вы? Живые ли? Сперва Шурочка пропал. Теперь вот – вы.... За что мне это всё? За – что??? Петенька, Катенька...

Время от времени Егор садился рядом, крепко обнимал жену за плечи, пытаясь успокоить, шептал ей в ухо всякие нежные глупости, понимая, что все его усилия бесполезны и бессмысленны. Он уговаривал Саньку съесть хоть что-нибудь, только она всегда отказывалась наотрез. Хорошо ещё, что воду глотала иногда.... С ума можно было сойти от всего этого. Но

Егор-то точно знал, что он не сойдёт. Никогда и ни за что. А вот с Санькой определённо творилось что-то неладное...

В один из редких моментов, когда мысли жены ненадолго ушли чуть в сторону от детей, затерявшихся где-то в бесконечных просторах Атлантического океана, она неожиданно поделилась с Егором своими подозрениями:

– Знаешь, Саша, мне кажется, что Солев не сам умер. То есть, я хочу сказать, что не от удара головой об угол стены...

– А от чего?

– Я думаю, что его ещё в Синише отравили. Может быть, Наоми...

– Саня!

– Что – Саня? Я уже двадцать шесть лет – Саня! Помнишь, как Илья в Синише ругался с японкой?

– Ну, помню.

– Вот тебе – и ну! – неожиданно разозлилась супруга. – У Наоми тогда – от злости – в глазах даже сверкали ультрамариновые искры.... Ох, неспроста это! А ведь она осталась на «Александре» с нашими детьми.... Саша! Пообещай мне, что сразу, как только мы вернёмся на фрегат, ты обыщешь эту подозрительную японку!

– Обыщу, конечно же, – вяло пожал плечами Егор. – А раньше ты говорила, мол, Наоми-сан хорошая и славная...

– Претворялась, наверное, гадина! – отпарировала Санька, но тут же, вспомнив о неизвестной судьбе близняшек, снова завела свою бесконечную пластинку: – Петенька, Катенька, где вы сейчас? Живые ли? Сперва вот Шурочка пропал...

«Какие же вы, Меньшиковы, недоверчивые и подозрительные ребята!», – искренне удивился внутренний голос. – «Ну, ты, братец, ещё ладно. Начитался в своём двадцать первом веке заумных и гадких детективных романов, вот тебе в голову и лезет всякая глупость. Но, Санька-то? У неё, откуда, спрашивается, взялась эта нездоровая подозрительность? Ладно, давай вместе рассуждать. Предположим, но только на минутку, что Сашенция полностью права, и именно наша нетипичная японка отправила Илью Солева на тот свет. А, что такого? Японка, как-никак! Только вот зачем? Не знаю.... Бред полный! А вот семейство Солевых.... Старшего брата какие-то непонятные гады зарезали в крохотном немецком городке. Младшего беглые стрельцы запытали – до самой смерти – в прибалтийских жёлтых дюнах. Теперь вот пришла очередь среднего.... Да, в откровенно недобрый час все они повстречались с тобой, братец! Надо бы узнать: может в России у них старики-родители остались. Если что, то и помочь надо будет чем-нибудь. Деньгами, например....».

Он проснулся с чётким пониманием, что что-то ни так. Проснулся, и после этого ещё целую минуту пролежал с закрытыми глазами, насторожённо и старательно прислушиваясь к своим ощущениям.

«Да, чёрт меня побери, просто непривычно тихо вокруг!», – первым прозрел сообразительный внутренний голос. – «И качки почти не ощущается.... Подъём, братец! Подъём! Форверст! Закончился, наконец-таки, штормяга....».

Егор проворно вскочил на ноги, оглянулся вокруг. Полутёмное помещение кают-компании «Кристины», тусклый свет двух масляных фонарей, развешанных на противоположных стенах. В самом дальнем углу, всё также сидя на полу и уткнувшись лицом в свои колени, крепко спала Санька. На соседних койках мирно похрапывали Ерик Шлиппенбах и рыжебородый помощник капитана бригаантины, чью длинную шведскую фамилию Егор так и не запомнил.

На палубе его встретили беззаботные и ласковые солнечные лучи, тёплый ветерок нежно коснулся давно небритых щёк. Синее безоблачное небо, незнакомые запахи и ароматы...

Егор по короткой лесенке вбежал на капитанский помост, кивнув головой стоящему у корабельного штурвала Фруде Шлиппенбаху. Но спрашивать ничего не стал, а просто вытаскивал из-за голенища сапога подзорную трубу и жадно притянул глазом к окуляру, напряжённо всматриваясь в светло-сиреневые морские дали. Рука плавно перемещала оптический прибор, а невыдержанный внутренний голос, потрясённый увиденным, разразился целым потоком удивлённых междометий.

С правого борта хорошо просматривался длинный, неправдоподобно ярко-изумрудный берег.

– Где мы сейчас находимся, шкипер? – хрипло и чуть взволнованно спросил Егор.

– Я думаю, что справа по борту от нас расположен один из карибских островов, – невозмутимо предположил швед. – Точнее сказать пока не могу.

– Карибский остров? – недоверчиво переспросил Егор. – Вы, капитан, не ошибаетесь? Как-то всё это, э-э-э..., неожиданно и быстро...

Фруде флегматично пожал своими широкими плечами и, скупно улыбнувшись, торжественно и чуть напыщенно объявил:

– Получается, сэр Александэр, что наша с вами «Кристина» уже вошла в полноценную легенду! Я слышал, что некоторые знаменитые капитаны пересекали Атлантический океан за двадцать, и даже – за восемнадцать суток. Но, чтобы всего за тринадцать? Сам никогда не поверил бы! Впрочем, нам всё это время помогал попутный ветер.... Да, что там, попутный шторм.... Да, что там, попутный тропический ураган! Ну, и госпожа Удача, понятное дело. Куда же без неё? Только если напрямик – на городское заброшенное кладбище...

Ещё немного полюбовавшись через хитрую бельгийскую оптику на изумрудно-зелёный берег острова, Егор поинтересовался:

– Капитан, а куда мы сейчас направляемся?

– В любом случае – на юг. К назначенному адмиралом Лаудрупом месту сбора, к Маракайбо. Одно только плохо: ветер стихает. Как бы не установился полный штиль...

Сзади слышался негромкий шорох – от соприкосновения подола длинного дамского платья с грубыми досками корабельной палубы – и Санькин звонкий голос взволнованно и слегка напряжённо спросил:

– Милый капитан Шлиппенбах, а другие наши корабли.... Они, они.... Они намного отстают от нас?

– Думаю, что суток на трое, не меньше, – надувшись огромным мыльным пузырьком, важно известил швед. – Куда им, жалким тихоходам, угнаться за моей, извините, за нашей легендарной «Кристиной»?

– Следовательно, они..., не утонули?

– Конечно же, нет, дорогая княгиня! Это полностью исключается! С такими-то опытными капитанами? Да, ну, не смешите меня, право...

Егор обернулся, и Санька – чумазая, бледная и растрёпанная – незамедлительно, совершенно не стесняясь Фруде, с громким и восторженным визгом бросилась ему на шею, жарко зашептала в ухо:

– Саша, прикажи, чтобы корабельный повар срочно нагрел воды, да побольше, да погорячее. Мне же надо срочно помыться! А потом пусть обед подают. Я проголодалась – как десять тысяч тамбовских волчиц...

А уже на самом закате они похоронили – согласно морскому обычаю – русского полковника Илью Солева.

Егор сперва сомневался: может, стоит пристать к острову и придать тело усопшего земле? Но Ерик Шлиппенбах, закаменевший дремучий романтик, всё же уговорил, мол: – «Быть похороненным в ласковых и тёплых, изумрудно-зелёных водах знаменитого и легендарного Кариб-

ского моря – очень благородная участь, о которой остаётся только мечтать понимающему человеку...».

Шведские матросы, непроизвольно воротя носы в сторону, завернули мёртвое тело Солева в старую, тёмно-бежевую парусину, наспех зашили её суровыми нитками, предварительно положив в ноги покойному тяжёлое чугунное ядро.

Егор за все шестнадцать лет своего пребывания в России семнадцатого и восемнадцатого веков так толком и не выучил ни одного церковного текста, поэтому православную заупокойную молитву над умершим соратником прочитала Сашенция. Потом Ерик Шлиппенбах разразился длинной и торжественной речью, наполненной вычурными фразами о «благородных рыцарях, героически павших на бранном поле», о «завидной участи», и о «сагах и балладах, которые, непременно, ещё будут распевать на площадях европейских городов юные менестрели – в лихо заломленных на бок малиновых беретах...».

А потом они – совместными усилиями – перевалили мёртвое тело, зашитое в старую парусину, за борт. Раздался громкий «бульк». Вот и всё, и ничего не хотелось больше говорить....

Глава пятая

Тайная Вечеря

– Каждому человеку да воздастся по делам его! И за все в целом, и за каждое дело в отдельности, – убедительно вещал важный и проникновенный голос. – Подлость – рано или поздно – будет отомщена. Доблесть же награждена – всенепрерывно и по достоинству....

Пожилой седовласый мужчина, сидящий за рулём автомобиля, неодобрительно усмехнулся и резко нажал на нужную кнопку магнитолы, переключаясь на другую волну.

Когда-то седовласого мужчину звали Сергеем Николаевичем, но последние пятнадцать лет все обращались к нему не иначе, как – «господин Координатор». Причём на разных языках этой планеты, потому что секретная служба «SV», которую он имел честь возглавлять, была международной.

Конечно же, он единолично возглавлял службу в её текущей деятельности, и под его непосредственным началом находилось несколько тысяч сотрудников. Причём, некоторые из них усердно трудились и за пределами нашей Солнечной системы, а отдельные индивидуумы – даже в далёком и загадочном Прошлом. Но это – только в текущей и повседневной деятельности. В глобальном же, так сказать, масштабе, а также в разрезе стратегического планирования, служба подчинялась Высшему совету, который – время от времени – серьёзно напоминал о себе, неожиданно вызывая на начальственный ковёр и устраивая очередную показательную головомойку. Иногда высокие претензии были сугубо по делу, но чаще всего – просто так, из принципа, мол, для того и зубастая щука, чтобы ленивый и упитанный карась не дремал...

Сергей Николаевич аккуратно припарковал свой неприметный служебный автомобиль на уютной стоянке, расположившийся возле неприметного двухэтажного особняка под тёмно-красной черепичной крышей, местами увитой густым, тёмно-зелёным плющом. Впрочем, в этом тишайшем пригороде города Лондона все двухэтажные и трёхэтажные строения были сугубо неприметными, с крышами, местами увитыми густым, тёмно-зелёным плющом...

Неяркое жёлтое солнце уже наполовину скрылось за линией горизонта, над пригородом столицы туманного Альбиона медленно, но верно опускался тёмно-серый, почти бесцветный вечер.

«Ерунда какая-то!», – внутренне поморщился Координатор. – «Во всех других местах нашей прекрасной планеты поздние вечера совсем другие, цветные: нежно-сиреневые, светло-фиолетовые, тёмно-синие.... И только в Лондоне они такие – никакие, бездарно-серые.... Да, Высший совет – в своём репертуаре, мало того что в Англию пришлось тащиться, так ещё и на ночь глядя пригласили, умники хреновы.... Что за нездоровая манера такая – все важные вопросы рассматривать поздней ночью? Прямо не рядовое совещание, а какая-то Тайная Вечеря...».

Он вылез из автомобиля, аккуратно захлопнул дверцу, педантично – как и всегда – поставил машину на сигнализацию, хотя это было совершенно излишним: служба умела действительно и надёжно обеспечивать безопасность всех своих сотрудников. В бытовом понимании, естественно, в мирное время, так сказать...

Но Сергей Николаевич не склонен был менять своих привычек и принципов, приобретённых ещё в далёкой юности. Главный принцип у него был такой: никогда и ничего не менять в своей жизни – в плане разных глупых мелочей. Мол, жизнь человеческая так коротка, что не стоит забивать себе голову разной ерундой. Вот он по этому поводу уже долгие годы пил один и тот же сорт чая, курил одни и те же сигареты, любил одну и ту же женщину, а свою машину всегда ставил на сигнализацию....

Координатор, предъявив неприметному охраннику пластиковый пропуск, уверенно вошёл в просторный холл особняка, по старинной лестнице поднялся на второй этаж и легко прикоснулся указательным пальцем к неприметной кнопке, выступавшей из стены на десятые доли миллиметра. Послышался тихий шорох, через пять-шесть секунд часть светло-зелёной стены совершенно бесшумно отошла в сторону.

Сергей Николаевич зашёл в лифт и уверенно надавил на самую нижнюю ярко-красную клавишу, на которой красовалась белая цифра семь, отдалённо напоминающая силуэт лебедя.

«Похоже, сегодня намечается очень серьёзный разговор», – подумал Координатор. – «Давненько уже Высший совет не забирался под поверхность матушки-земли так глубоко...».

В просторном кабинете, обставленном под среднестатистический европейский офис, было светло и уютно – от светло-зелёноватого света, льющегося, как казалось, прямо из потолка. А ещё в правом углу помещения бесконечно нежно и успокаивающе потрескивал самый настоящий камин.

Почти по самому центру комнаты размещался длинный прямоугольный стол, по одну сторону которого и восседал – на стандартных офисных стульях – Высший совет суперсекретной международной службы «SV».

Совет как совет, важный, значимый, и даже где-то демократичный. В том смысле, что по своему составу – без признаков различных дискриминаций: возрастных, половых, расовых, сословных. Короче говоря, всё было – как и всегда в службе – по высшему разряду.

По середине разместился Председатель совета – мистер Грин, упитанный дядечка среднего возраста. Естественно, данное имя являлось всего лишь рабочим псевдонимом, а среди сотрудников службы давно уже ходили упорные слухи, что этот добродушный толстячок происходил из могущественного семейства Рокфеллеров, которое, как это достоверно известно, состоит в самом близком родстве с дикими и кровожадными волками...

Справа от Председателя сидела его заместительница – Айна Афанасьевна Сизых, девятидесятилетняя старушка, чукчанка по национальности. Впрочем, глаза у бабули, которая являлась потомственной шаманкой в пятом поколении, были молодыми, абсолютно чёрными, смысленными и беспокойными.

Последним в этой начальственной троице был вьетнамец Ли Хо, совсем ещё молодой парнишка, только два месяца назад перешагнувший за тридцатилетний рубеж. Ли был очень сильным экстрасенсом, доктором математических наук и в службе «SV» выполнял функции главного аналитика.

– Присаживайтесь, дорогой Координатор, присаживайся! – на ярко-выраженном американском диалекте английского языка предложил мистер Грин. – Предлагаю не тратить времени на приветственные ритуалы и вежливые разговоры о погоде. Мы же люди свои, не так ли?

– Как скажете, сэр! – покладисто кивнул головой Сергей Николаевич, располагаясь на стандартном офисном стуле. – Готов, уважаемые господа и дамы, ответить на любые ваши вопросы.

– Расскажите нам об операции «Двойник Светлейшего»,¹² – негромко попросила Айна Афанасьевна.

– Но, позвольте, существуют же мои подробные ежемесячные отчёты...

– Отчёты – отчётами, а вы нам ещё раз расскажите, – бесцеремонно заявил Ли Хо. – Укрупнённо, так сказать, единой картинкой. Не торопитесь, сосредоточьтесь. Нам очень важно, чтобы ваш рассказ был цельным, позволяющим сделать однозначные выводы. Такие выводы, на основании которых можно будет оперативно принять эффективные решения...

---

¹² – События, о которых идёт речь, подробно описаны в романах «Страж государев» и «Северная война».

Координатор дисциплинированно сосредоточился и, минуты две задумчиво помассировав свой мясистый нос, приступил к освещению заданной темы.

– Некоторое время назад к нам по агентурным каналам поступила важная информация, что «умники» из созвездия Водолея готовятся к проведению эксперимента по активному вмешательству в Прошлое нашей планеты. Видимо, обычные эксперименты им наскучили...

– Какие последние значимые «подарки» пришли к нам от Водолея? – небрежно поинтересовался Ли Хо.

– Самые глобальные «презенты» – это двигатель внутреннего сгорания, нейтронная бомба и Интернет, – задумчиво нахмурился мистер Грин. – А из последних «людских» я отмечу Григория Распутина, Че Гевару и Билла Гейса. Вы удовлетворены, дорогой мой Ли? Вот и отлично. Продолжайте, мистер Координатор, продолжайте! Только без излишней детализации...

– Итак, поступила агентурная информация, что готовится эксперимент по активному вмешательству в Прошлое нашей планеты. Конкретно, планировалось убить русского царя Петра Первого – в самом начале его царствования, когда дворянская петровская элита ещё окончательно не сформировалась. Мы уже тогда, конечно же, знали, что любое значимое вмешательство в Прошлое каждого конкретного мира – не оказывает никакого воздействия на Настоящее и Будущее этого же мира. Просто в данном случае рождается мир новый, параллельный, развивающийся самостоятельно.... Но ведь существует теория, согласно которой у каждого первоначального мира наличествует определённая «ёмкость». То есть, когда количество параллельных миров становится критичным, то происходит взрыв, и на месте всех этих миров образуется Чёрная Дыра.... Какова «ёмкость» у нашего земного мира? Какое количество параллельных миров является критичным для нашей планеты? Три, четыре, сто, тысяча? К большому сожалению, это можно установить только экспериментальным путём.... Так что, согласно вашему же решению, господа Высший совет, служба делала и делает всё от неё зависящее, чтобы параллельные миры вовсе не возникали. В большинстве случаев у нас получается.... Итак, летом 2009 года мы направили «на место» царского денщика Алексашки Меньшикова военного телохранителя – со строгим заданием: бдительно и тщательно охранять царя Петра. Если говорить честно, то опытность Егора Леонова, посланного нами в Прошлое, оставляла желать лучшего. Два года срочной службы, плюсом – два года по контракту, маловато, конечно же. Но выбора у нас не было. Другие прямые потомки Александра Даниловича и этими навыками не обладали, а время поджимало.... При переносе нашего агента в Прошлое тогда был задействован принцип генного «замещения»: Егор Леонов отправился в 1687 год, а его далёкий пращур А.Д. Меньшиков – в 2009 год. Настоящий Алексашка, кстати говоря, потом прошёл соответствующий обучающий курс, и на сегодняшний день является действующим сотрудником нашей службы.

– Есть ли у Александра Даниловича Меньшикова, проживающего в Настоящем, дети? – заинтересованно спросила Айна Афанасьевна.

– К сожалению, нет. Тщательный медицинский осмотр констатировал, что данный субъект окончательно и бесповоротно бездетен. Академик Адольф Смит высказал смелое предположение, что у людей, отправленных в Прошлое, детородная функция сохраняется в первоначальном виде, а вот у тех, кто рождён в Прошлом и был перенесён к нам в Настоящее, полностью утрачивается.... Этот так важно?

– Нет, не особенно, – скупой улыбнулся Грин. – Продолжайте ваш доклад, господин Координатор.

– Итак, с Егором Петровичем Леоновым был заключён стандартный пятилетний контракт, по завершению которого, в 1692 году его должен был «заменить» другой прямой потомок А. Д. Меньшикова, прошедший необходимую подготовку. Истины ради, отмечу, что эти пять лет Егор Леонов скрупулёзно и последовательно соблюдал все пункты контракта: орга-

низовал крепкую охранную структуру, предотвратил несколько реальных покушений на царя Петра. Даже сотрудников своей охранной структуры он обучил всяким приёмам из арсенала восточных единоборств.... Но потом произошла досадная техническая накладка и в 1692 году обратного «замещения» не последовало. Егор, скорее всего, обиделся и заподозрил, что его обманули.... Канала связи с ним у нас не было, так вот получилось. Короче говоря, агент вышел из-под контроля, ход Истории изменился.... Наши приборы однозначно зафиксировали, что уже в 1693 году образовался новый параллельный мир, развивающийся по своим законам.... Что ж, виновные в этом «проколе» понесли заслуженное наказание, были сделаны соответствующие выводы, написаны новые строгие инструкции и циркуляры...

– Что же было потом? – неприятно усмехнулся Ли Хо, который наверняка прекрасно знал продолжение этой истории.

«Вот же – вредный и узкоглазый сукин сын! Издевается ещё...», – от души возмутился про себя Сергей Николаевич, а вслух ответил совершенно спокойно и внешне невозмутимо:

– Мы хотели оставить Егора Петровича в покое. Зачем, спрашивается, вытаскивать его в Настоящее, если параллельный мир всё равно уже образовался? Тратить при этом значительные финансы, людские ресурсы.... А потом неожиданно пришло письменное указание от Высшего совета, подписанное лично господином Ли Хо, согласно которому Егора Петровича Леонова, всё же, было необходимо вернуть в Настоящее. Что же, приказы для того и существуют, чтобы их старательно выполнять.... В самый конец семнадцатого века был направлен наш опытный агент Аль-кашар, «заменённый» на его прямого пращура-бербера. Но господин Леонов наотрез отказался возвращаться в Настоящее...

– Почему он отказался? – поинтересовалась Айна Афанасьевна, которая только совсем недавно вернулась из длительной командировки. – Насколько я помню, контракт у Леонова был более чем выгодный: двадцать миллионов Евро, плюсом – личный остров в Карибском море.

– Не всё так просто, – криво усмехнулся Сергей Николаевич. – Егор в нашем двадцать первом веке был круглым сиротой, невеста вышла замуж за другого, друзей у него было очень мало, в основном – приятели. А в семнадцатом веке у него наличествовала горячо любимая жена Александра и трое не менее горячо любимых детишек. Кроме того, он, в смысле – Александр Меньшиков, был на тот момент одним из богатейших людей России, владел целой кучей деревушек с крепостными крестьянами. Так что двадцать миллионов Евро для Егора являлись сущей мелочью. Опять же – власть, почти ничем неограниченная.... Власть, она очень хитрая штука, к ней быстро привыкаешь и подсаживаешься – ну, как на сильнодействующий наркотик. В конечном итоге – по приказу господина Леонова – наш агент Аль-кашар был помещён в далёкий уральский острог, а ещё через несколько лет безжалостно казнён.... Но, как я уже говорил, приказ есть приказ. Следующая возможность послать в Прошлого своего человека представилась нам только в 1703 году – по исчислению параллельного мира...

– А подтвердилась ли известная версия, что в Прошлом – для посланного туда человека – время течёт быстрее? – невежливо перебил Координатора беспардонный вьетнамец.

Сергей Николаевич утвердительно прикрыл глаза:

– Абсолютно так! Примерно в двенадцать раз, как и при других посещениях Прошлого. Вы же знаете, уважаемые, что несколько раз в году во Временном пространстве открываются «окошки», позволяющие на краткие мгновения заглядывать в нужные временные периоды – как в первоначальный мир, так и в его параллельные аналоги. Егор Леонов находится в Прошлом – на данный момент – уже почти восемнадцать лет, в Настоящем же прошло только полтора года. Механизм этого явления ещё толком не изучен.... Я удовлетворил ваше любопытство, мистер Хо? Могу продолжать? Спасибо большое! Итак, в 1703 год мною был послан надёжный сотрудник. Извините, имени назвать не могу, плоха примета. Вам это всё равно

ничего не даст, а примета может и сработать.... Агент сейчас находится рядом с господином Леоновым и готовит операцию по его переносу в Настоящее.

Мистер Грин смущённо покашлял в кулак и спросил:

– А где сейчас находится наш Егор Петрович? Чем занимается? Какие у него планы на будущее? Извините, я ещё не просматривал ваш последний отчёт...

Сергей Николаевич укоризненно покачал головой:

– Нехорошо, мистер Грин, очень плохо! Это у нас – с момента написания мной предпоследнего отчёта – прошло только полтора месяца, а там, у Егора, промчалось полтора года, которые и выпали из вашего поля зрения.... Ладно, слушайте. В начале лета 1703 года Леонов-Меньшиков неожиданно попал в опалу к царю Петру, был лишён всех званий, наград, титулов и денег, объявлен государственным преступником и вынужден был навсегда покинуть Россию – вместе со своей женой и детьми, в сопровождении нескольких верных друзей.... Из-за чего Егор оказался в опале? Причина всё та же: его природное упрямство и своеволие, нежелание дисциплинированно и не рассуждая выполнять приказы вышестоящих персон. А Пётр Алексеевич Романов совсем не тот человек, с которым можно так шутить. Сразу же были забыты все прежние заслуги Алексашки, гнев царя был настолько силен, что дело даже могло завершиться суровой казнью. Так что в настоящий момент наш Егор-Алексашка направляется к западному побережью полуострова Аляски...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.